

РУССКИЙ
ПРАВОСЛАВНЫЙ
РОМАН

НАДЕЖДА
ВЕСЕЛОВСКАЯ

ДЕРЖИТЕСЬ, ДЕВУШКИ!

Русский православный роман

Надежда Веселовская

Держитесь, девушки! (сборник)

«Алгоритм»

УДК 82-94
ББК 85

Веселовская Н. В.

Держитесь, девушки! (сборник) / Н. В. Веселовская —
«Алгоритм», — (Русский православный роман)

ISBN 978-5-4438-0581-8

Легко ли живется девушкам в современном мире? Проблемы сыплются на них как листья осенью. А ведь девушки, кроме всего прочего, мечтают о любви... Незадачливая Вика попадает в помощницы к экстрасенсу, который выкачивает из нее необходимую для жизни энергию. Несмотря на свое победоносное имя, она не в силах себя спасти. Но, может быть, за нее кто-то вступится?.. Чуткая Мальвина пошла работать дворником, благо в районе проводят эксперимент по отказу от услуг трудовых мигрантов. Один из бомжей, которых она вынуждена гнать с чердака, оказывается интересным для нее человеком. Но и это влечет за собой осложнения... А новые силы придут к Мальвине вместе с новым именем – Евфросиния. Удачи вам, девушки!

УДК 82-94

ББК 85

ISBN 978-5-4438-0581-8

© Веселовская Н. В.

© Алгоритм

Содержание

Виктория	6
1	6
2	10
3	13
4	15
5	22
6	26
7	29
8	32
9	38
10	41
11	43
12	46
13	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Надежда Веселовская

Держитесь, девушки!

© Веселовская Н.В., 2014

© ООО «Издательство Алгоритм», 2014

* * *

Виктория

1

«Все надоело», – примерно так могла сформулировать Вика свое состояние в последние дни. Надоело делать над собой усилия, ходить каждый день на работу пусть за приличную, но отнюдь не заоблачную зарплату. А ведь есть люди, которые купаются в роскоши и при этом не лезут из кожи вон! Чем она хуже таких людей: обеспеченных, известных, продвинутых? Да если ее грамотно раскрутить...

Однако Вика и сама не знала, в какую, собственно, сторону ее можно раскручивать. Никаких ярких талантов у нее как будто не наблюдалось. Также она не могла похвастать высшим образованием или каким-то особым умением в определенной сфере деятельности. Молодость, голубоглазая красота плюс немножко здравого смысла – вот и весь набор ее стартовых возможностей. Но с такими данными в наше время и к облакам взлетают, и влачат унылое полунищенское существование. Смотря по тому, как сумеешь их использовать.

Она уже пробовала реализовать себя в разных областях: занималась рекламой, вышивала для художественного салона, пекла в кафе авторские пирожки и даже пыталась открыть вдвоем с подругой маленькую парикмахерскую. Но ни одно из этих начинаний не увенчалось успехом. Что поделаешь: у Вики не было необходимой в бизнесе хватки. Другие люди уже освоили все возможные направления раньше нее, приватизировали, застолбили – люди более опытные, с деловым чутьем и сильной волей. Что могла против них Вика, девушка из провинции, приехавшая завоевывать Москву, точнее, кормиться от Москвы? И пусть молодые провинциалки становятся подчас крутыми бизнес-леди, – в Викином случае это было не так. Она чувствовала, что не создана для борьбы, риска и всяких предпринимательских авантур, даже для упертого трудолюбия. Ей бы что полегче, а еще лучше само собой. Например, выйти утром из дому и найти на улице клад...

Зажмурившись, она представила себе огромный закопченный горшок с золотыми монетами, вроде того, что откопал в саду султана маленький Мук. Допустим, клад окажется у нее в руках, – что дальше? Принеси такие монеты в любую скупку, живо дадут знать куда следует: вмешается государство, всполошится общественность, запищат музейные фонды... А потом начнутся расспросы: что да откуда, да где взяла? Нет уж, пусть ей повезет как-нибудь по-другому...

Вика мысленно поменяла декорации: она находит на улице не горшок с золотом, а доверху набитый купюрами «дипломат»: крупную взятку или выкуп за какого-нибудь заложника. Допустим, его несли к месту назначения, да и сбросили с рук долой, испугавшись полицейской проверки, а Вика на него набрела. Но увы! – и тут должны были возникнуть проблемы... Криминальный мир не прощает тех, кто случайно воспользуется плодами его трудов несправедливых. Вика стали бы искать, на нее бы стали давить. Нет уж, пусть этот «дипломат» найдет кто-нибудь другой...

Потом она решила, что ее клад должен быть не денежным, а живым, из плоти и крови. Пусть в нее влюбится без оглядки богатый и влиятельный человек! Немолодой – молодому самому еще нужно утвердиться, строить карьеру, – но с шармом, а главное, умеющий крутить разные дела, бороться с конкурентами, находить выход из сложных ситуаций. Уж он-то позаботится о Вике, сообразит, в какую сторону ее раскручивать. А ей останется область нежных поощрений, ночных путешествий в страну безмятежных грез... Вот это как раз по ней!

Кажется, идеальный вариант был найден. Но – увы! – снова не обошлось без ложки дегтя. Ведь богатые благодетели сейчас тоже весьма ходовой товар в реестре современных ценностей. И за них идет конкурентная борьба, да еще какая! Их ждут возле подъездов, осаждают под видом деловых партнеров, проникают в их семьи как сиделки, домработницы, няньки и прочее... Чтобы без проблем заполучить такого человека в свое личное пользование, надо встретиться с ним как минимум на необитаемом острове...

Таким образом, ситуация снова зашла в тупик.

Вика протяжно вздохнула: не получалось даже в мечтах, на что уж тут надеяться в обычной жизни? Но человек до последнего верит в свою звезду. Вот Эльвира из магазина для новых русских, где Вике приходится зарабатывать на жизнь, не устает повторять: «Девочки, главное – гороскоп. Наша воля – такая ерунда по сравнению с тем, что уже предопределили для человека звезды!». Девушки-продавщицы спрашивали, а могут ли звезды сделать так, чтобы на тебе женился богатый покупатель или чтоб ты сама со временем стала заведующей секцией? Звезды все могут, отвечала Эльвира, надо только в точности следовать их указаниям, не допуская никаких отклонений. А если они приготовят тебе что-нибудь такое, чего ты сама не хочешь? Тогда надо терпеть и верить, что все мечты сбудутся в твоей следующей жизни, – так звезды вознаградят тебя за терпение.

Но Вика не была столь продвинутой, чтобы откликнуться душой на проповеди Эльвиры. Ладно другая жизнь, тут бы эту, земную, устроить чуть покомфортней. Как пишут в рекламах одного банковского гиганта: «Изменим жизнь к лучшему». Вот об том ее голова и болит, ибо сейчас самое время позаботиться о будущем. Магазин, где она на данный момент трудится, – дело временное. Тут нет перспективы, работа рассчитана только на молоденьких: покупатели хотят видеть продавщиц, с которых еще не осыпалась пыльца весенней свежести. А кроме того, со временем сама не выдержишь. Только молодой организм способен переносить нагрузки, какие выносят девушки в магазине по десять часов подряд! Хотя делать там, в сущности, нечего: только встречать богатых клиентов, подбирать для них товар, отвечать на вопросы, выписывать квитанции. Все то же, что делают обычные продавщицы, но с неизменной улыбкой и бьющей через край готовностью услужить. Подержи-ка себя в таком состоянии с утра до вечера, да еще при полном параде! Одни шпильки-каблочки чего стоят. К концу рабочего дня Вика чувствовала себя как сразу две Золушкиных сестры, каждой из которых натянули слишком тесную хрустальную туфельку. Да еще мачеха-начальница пристаёт: «Не забывай, Викуля, что у тебя стиль бэби. Улыбайся наивно, словно тебе шестнадцать лет. Да тебе с виду и не дашь больше. Если состроишь подходящую мордашку, ни один дядя мимо не пройдет...» Под «дядями» подразумевались покупатели, богатые старики, которым требовалось создавать настроение: там вильнуть бедрами, тут поддержать беседу, ну и «мордашку соорудить». За это девушки и получали зарплату втрое выше обычных продавщиц.

Возвращаясь домой после десятичасового рабочего дня, Вика чувствовала себя совсем обессиленной. Каждый вечер ей думалось о том, что надо как-то изменить свою жизнь, – и каждый раз эта мысль заходила в тупик. Да, тяжело, бесперспективно – а где ее ждут молочные реки в кисельных берегах? Здесь хоть деньги платят приличные, хотя отложить на черный день все равно не получается: львиную долю заработка поглощает жилье. Потом родителям надо посылать, самой перехватить какой-нибудь бутерброд. Тряпки, косметика... На текущие нужды ей хватает, но вот за душой у Вики хоть шаром покати...

Пришло время готовиться ко сну. Прежде чем лечь в постель, она вымыла голову, намазала кремом лицо, отобрала одежду, в которой пойдет завтра на работу. Главное у них в магазине – хорошо выглядеть, не то и там место потеряешь!

Вчера на улице Вика приобрела толстенный журнал «Работа и зарплата». Не то чтобы она рассчитывала найти в нем выгодные предложения – за выгодными надо далеко ходить и, опять

же, упорно биться. Просто хотелось лишний раз напомнить себе, что на лестнице социального престижа ты занимаешь не последнюю ступеньку: есть еще сиделки, уборщицы, судомойки... Так что твои экзекуторские туфельки все же приподнимают тебя над грешной землей.

Вика легла в постель, раскрыв поверх одеяла увесистую тушку журнала. Действительно, требовались уборщицы и судомойки, маляры и ткачихи, сиделки при больных, няньки для малышей и стариков. Однако наряду с этим женщин приглашали и на «чистые» должности: служащая банка, бухгалтер, менеджер. Кстати, неплохие условия: заработок не меньше, чем в магазине, а статус, конечно, выше. И небось можно на работу в кроссовках ходить. Жаль, у Вики нет соответствующего образования... И вдруг взгляд наткнулся на краткое объявление внизу страницы: «Ищу девушку, готовую выполнять поручения неинтимного характера. Оплата высокая».

Вика чуть не подскочила на своей постели. Нужна просто девушка: не бухгалтер, не менеджер, никакой не специалист! За высокую оплату! Конечно, объявлению доверять нельзя, необходимо самой все разузнать и проверить. Какие это поручения «неинтимного характера»? Да и высота зарплат может быть относительной.

Словом, надо завтра же позвонить по указанному номеру. Но ведь завтра она весь день в магазине – говорить оттуда по поводу новой работы равносильно карьерному самоубийству. А Вика была не из тех, кто выпускает из рук синицу, завидев пролетающего в небе журавля.

Будильник на прикроватной тумбочке показывал без пяти двенадцать. В принципе, еще можно было позвонить. Говорят, бизнесмены засиживаются за делами допоздна и ложатся спать не раньше глубокой ночи. Стоило рискнуть, пока возможный работодатель не нанял другую девушку. Надо ковать железо, пока горячо: этому жизнь в столице уже научила Вика...

До чего же все-таки удобно, когда ты снимаешь не комнату, а всю квартиру! По крайней мере никто тебя не подслушивает. Раньше на кухне спала хозяйка, жадная до подробностей чужой жизни. Заслышав у квартирантки какое-нибудь движение, она не стеснялась совать в комнату свой любопытный нос. Бывало, повернешься ночью на другой бок – и уже дверь к тебе приоткрыта, и хозяйский нос торчит в щелке, вынюхивая возможные новости.

Потом хозяйка переехала на садовый участок, где у нее бревенчатый дом, выдерживающий, как она хвасталась, любые морозы. А Вика осталась в квартире одна. Правда, платить теперь приходится почти вдвое больше, но, как говорится, оно того стоит...

Вика поежилась перед тем, как позвонить. Все-таки она чувствовала себя смущенной: будильник теперь показывал ровно полночь. Однако трубку сняли после первого же гудка.

– Да? – с готовностью отозвался мужской голос. Немолодой, но вроде как без занудливости, свойственной старшему поколению.

– Здравствуйте, – неуверенно начала Вика. – Простите за беспокойство, я по объявлению...

– Девушка, готовая выполнять поручения?.. Как же вас зовут?

– Виктория.

– Замечательно! – обрадовался он. – Виктория означает «победа». Значит, нам с вами предстоит побеждать!

– В объявлении сказано об оплате... – начала Вика, зная по опыту, что восторг, особенно безосновательный, редко созвучен шороху зеленых купюр.

– Совершенно верно. Не беспокойтесь, останетесь довольны. Во всяком случае, всех, кто звонил до вас, мои условия устраивали.

«И здесь конкуренция», – с досадой подумала Вика. Значит, другие девушки уже предлагали этому ему свои «неинтимные» услуги. Теперь он будет выбирать, а всякий выбор снижает шансы претендентов, то есть, в данном случае, претенденток. Сначала ей показалось, что этот человек действительно обрадовался ее звонку... Или он каждую так встречает?

– Извините, что позвонила поздно, – вслух сказала она. – Я только что увидела объявление. А завтра весь день на людях, вот и...

– Вы позвонили в самое подходящее время, – с мягким нажимом произнес собеседник. – В самое что ни на есть подходящее...

Позитивная уверенность плюс звучащее в голосе мужское обаяние – что еще нужно для того, чтобы обнадежить занервничавшую девушку? Пожилой человек с шармом, высокая оплата услуг... не о таком ли раскладе она недавно мечтала?

– Значит, давайте так: когда вам будет удобно ко мне зайти?

– На своей теперешней работе я заканчиваю в десять вечера. Ну, еще время на дорогу...

– А где вы работаете?

Вика рассказала, запоздало сообразив, что это ему вроде бы ни к чему. Наверное, просто так поинтересовался, исходя из обычного человеческого любопытства. Кстати, оказалось, работодатель обитает недалеко от супермаркета, на соседней улице. Он продиктовал адрес – не поймешь, офисный или домашний. Уточнять Вика не стала, боясь показаться назойливой. Но про себя решила на всякий случай прихватить на эту встречу газовый баллончик – мало ли что... Вроде бы человек, беседовавший с ней по телефону, не похож на сексуального маньяка, но надо быть ко всему готовой.

Потом они пожелали друг другу спокойной ночи и отключились. Но Викина ночь не была после этого спокойной. Она дала себе внутреннюю установку заснуть, однако и во сне ее продолжало донимать тревожное возбуждение. Вику закружили какие-то странные отрывочные сновидения: вот из-под крышки перепачканного землей горшка сыплются монеты, тут же превращавшиеся в крохотные золотые туфельки, которые ей надо обувать... Вот, словно в подземелье Аладдина, вокруг мерцают сокровища, но прикоснуться к ним можно только в том случае, если никто на тебя не смотрит. А дверь уже потихоньку приоткрывается, и в щелке торчит любопытный хозяйский нос...

В третий раз Вике привиделось, будто она ищет цветок папоротника, открывающего клады. Надо раздвинуть длинные резные листья, взглянуть в заросли... И, наконец, вот он – красный бегучий огонек! Она окружила его ладонями, которые сразу стали просвечивать колдовским густо-розовым светом. А снизу из прикорневой сырости поднялся насмешливый стрекот и цокот злобных языков – на тумбочке уже надрывался будильник...

2

В то же утро от звона похожего будильника проснулась маленькая семья, проживающая в подсобном помещении жилого фонда. Она состояла из представительниц трех поколений: старухи Ульяны, ее дочери Нины Степановны и внучки Насти. Дочь и внучка по утрам спешили: их фигуры в наскоро запахнутых халатах мелькали взад-вперед по малюсенькой квартирке, бывшей каморке дворника, окна которой находились очень невысоко от земли. Бабка сидела на постели, свесив вниз ноги, от колен прикрытые одеялом, и молча созерцала утреннюю суету. Вон Нинка бухнула в кашу слишком много сахара, вон Настенька расплескала чай...

– Значит, мама, купите сегодня масло, крупу и творог. Вот деньги. А за хлебом Настюша по пути из школы забежит...

– А сало? – спросила бабка.

– Вы все сало едите, вам вредно. В сосудах холестерин откладывается. Ладно, купите еще сала, – Нина Степановна добавила к выданным деньгам несколько десятков. – И борщ сварите на завтра.

– Борщ борщом... Ты лучше скажи, как у тебя с этим – с начальником твоим? Когда чего будет?

– Ой, мама! Ну что вы такое спрашиваете?! – шумно вздохнув, покрутила головой Нина Степановна. – Нашли тоже время... Настюша, допивай скорее, пора!

– Я допиваю, – отозвалась гладенькая темноволосая девочка, блеснув поверх кружки быстрым внимательным взглядом. Чем-то похожая на синичку, она была из породы тех умниц, которые ловят на лету разговоры взрослых и делают свои выводы, почти всегда правильные.

– Время тебе не то... – проворчала бабка, под скрип кровати меняя позу. – Мать не просто так спрашивает, не языком чешет...

– А для чего ты, бабуля, спрашиваешь? – перевела на нее Настя свой поблескивающий взгляд.

– Есть зачем... Хочу твоей матери помочь, коли своим ходом дело ни с места!

– Ой, доченька, да не слушай ты... – замахала руками Нина Степановна.

– Маши, маши на мать... А после сама попросишь! В ножки матери поклонись, только сделай!

– Что «сделай», бабуля? О чем мама будет тебя просить?

– Ой, да не слушай ты...

В следующую секунду их голоса покрыл мощный мотоциклетный рев. Слышимость была такая, словно мотор заводи́ли над самым ухом. За первой шумовой очередью последовала вторая, третья, а там в рулады включился еще один мотоцикл.

– Прямо как петухи на деревне, – улыбаясь дочке, сквозь шум прокричала Нина Степановна. – Заорет на одном заборе, откликнется на другом!

Старуха сунула руку под матрас и вытащила фланелевый мешочек, внутри которого что-то побрякивало. Настя знала: там старые гвозди со сбитыми набок шляпками. Она помнила их сколько саму себя и давным-давно привыкла к тому, что временами они появляются у бабки в руках. Но с некоторых пор эти гвозди, а еще миска, на дне которой застывал разлитый воск, а еще какой-то особый шум под бабкиной кроватью перестали восприниматься Настей как обычный ход вещей. Теперь ее мучил вопрос: неужели бабушка действительно... Однако поверить в это было все равно что столкнуться с проблемой, которую ты не в силах решить.

Настя вдруг почувствовала непреодолимое желание убедиться: все ее подозрения беспочвенны. Для этого она сейчас прямо спросит обо всем. Вот только надо, чтобы мама скорее ушла на фабрику, а то при ней бабка не станет ничего говорить. Желание разобраться было настолько сильным, что толкнуло Настю на небольшой обман:

– Мам, ты меня не жди. Я сегодня в школу позже пойду. У нас первым уроком физру поставили.

Из-за давних неладов с почками Настя не посещала школьную физкультуру.

– Что же ты раньше-то не сказала?! – вскинулась Нина Степановна. – Я б тебя рано не будила!

Ей было досадно, что ее Настюша упустила возможность поспать лишние полчаса.

– Ничего, мам. Я как привыкла, так и проснулась. Ты сама смотри не опоздай.

– И то могу!

Нина Степановна допила чай и унесла на кухню грязную посуду: бабка днем вымоет. Потом причесалась, с усмешкой над собой провела по губам помадой, мазнула веки коричневыми тенями, делавшими ее большие карие глаза еще ярче. Прощаясь с дочкой, погладила ее гладко причесанную головку и уже с порога кивнула матери. Как только дверь за ней захлопнулась, Настя решила, что пора приступать.

– Бабуль! А вот зачем ты сейчас вытащила эти гвозди?

Старуха Ульяна, не отвечая, теребила ржавые стерженьки со сбитыми набок шляпками. И снова из-под ее кровати донесся знакомый шорох, словно там скребется большая крыса. Вообще крысы у них дома водились, Настя иногда их видела, но *эта* давала о себе знать в определенное время: когда бабка занималась гвоздями или же лила в миску воск.

Мотоциклы во дворе вновь взревели, а потом сразу стихли, захлебнувшись собственным шумом. Ульяна подняла взгляд на внучку:

– Ну чего тебе? Много будешь знать, скоро состаришься.

– Ты сейчас порчу наводишь на этих мотоциклистов, да? Они теперь из-за твоих гвоздей в аварию попадут?

– Из-за гвоздей, – неодобрительно повторила бабка. – Что ж, я им гвозди под колеса, что ли, пихаю? Какая тут может быть авария?

– Не под колеса. Ты, может быть, только *представляешь* себе, как твой гвоздь прокалывает им шину, и желаешь, чтобы так было на самом деле. Ну вот скажи, желаешь или нет?

– Мало ль чего я желаю, – усмехнулась бабка.

– Это передается, – не уступала Настя. – На этом как раз и основана магия. Ты занимаешься магией, да, бабуль? – жалобно закончила она.

Старуха слушала с вытаращенными глазами. Девчонка никогда и слов-то таких не знала, не то чтобы толковать, как чего получается. Да и сама Ульяна мало разбиралась в том, магия ее гвозди либо еще чего. В деревне называли попросту – ворожба. Это она умела и готовилась когда-нибудь передать свое умение по наследству дочери либо внучке, так же как сама получила его от матери. Но передача будет еще не скоро, не раньше, чем придет пора помирать. Так зачем прежде времени вешать тяготу на свое дите? Хорошо еще, внучка не пытается, что у нее шуршит под кроватью...

– Бабуль, ты колдунья? – жалобно спросила Настя.

И вот ведь пришла ей нынче охота обо всем спрашивать!

Одиннадцать лет таких разговоров не было, а тут на тебе – прорвало. Но при всей досаде бабкино сердце не могло не тронуться тем чувством беды, которое звучало сейчас в голосе ее глупенькой, однако родной и любимой девки.

– Чего колдунья? Это просто слово такое! Я как лучше делаю: вот шумели эти охальники под окном, а теперь, гляди-ка, не слышно! Или вон Матвеевна из восьмой квартиры вчера слегла, думали, паралич, а я ее отчитала! На ноги поставила. Я не колдунья, а эта, как ее... целебница!

– Целительница, – поправила разумная внучка. – А нам говорили, это одно и то же. И наводить порчу и снимать, и лечить и заговаривать – все это магия, потому что через злых духов...

– Да кто говорил-то?! – не сдержавшись, закричала Ульяна. – Вот уж теперь ты мне ответь: кто с тобой обо всем об этом разговаривает?!

– У нас теперь новый урок – духовная культура. Мама на прошлом родительском собрании подписывала, чтобы мне на него ходить.

– Что еще за урок? – недоверчиво спросила бабка.

– Там про Бога рассказывают...

– Поп приходит? – удивилась старуха.

– Нет, у нас учитель, Николай Дмитриевич.

Бабка с присвистом втянула в себя воздух.

– Ну знаешь, Наська!.. В наше время в школах такого не бывало, чтобы в школе про Бога... В наше время, если увидишь попа на улице, вдогонку за ним бежишь и кричишь: «Религия – опиум!» А теперь, гляди, чего надумали – на уроках мозги детям забивать...

– Но ведь нужно, чтобы мы знали! – вконец взволновалась Настя. – Раз уж есть в жизни добро и зло, надо о них знать! Чтобы правильно выбрать, как жить!..

– Не всегда можешь выбрать-то... – процедила сквозь зубы Ульяна.

– Нет, всегда! Это зависит от самого человека! – сорвалась на крик Настя. – И надо выбрать добро, правда, бабуль? Ты ведь сама хочешь, чтобы все было по-доброму? Ну вот скажи: хочешь?.. хочешь?!

– Хочу-хочу, – подтвердила бабка, обхватив одной рукой разнервничавшуюся девочку и чуть поглаживая ее, как маленькую, по лопаткам. – Хочу, конечно, хочу. Ты ж знаешь, что я хочу...

Но ее глаза, глядевшие поверх прижатой к выцветшему халату гладкой темноволосой головки, были пусты и бесцветны, как неживые.

3

С утра в магазине для новых русских не наблюдалось ни одного клиента, так как все они могли позволить себе подольше поспать. Даже удивительно, почему начальство не стало открывать заведение на час-другой позже. Но обслуживающий персонал не смел поднимать такие вопросы. Его дело – торчать на своих местах ни свет ни заря.

Если начальница торгового зала уходила к завсекции выпить кофе, девушки-продавщицы начинали сдвигаться ближе. Когда же им еще пообщаться, как не в эти утренние часы? С первого до последнего покупателя они должны быть в боевой готовности, а после сил останется ровно столько, чтобы доползти как-нибудь до дому.

– Девочки, у кого есть газета с гороскопом? – спросила шустрая, небольшого роста Аля, особо любившая поговорить. – Мне в выходной к зубному врачу, хочу знать состояние своего организма.

– Когда у тебя выходной? – незамедлительно отозвалась полная, внушительного вида Эльвира, главный в отделе специалист по астрологии.

– Воскресенье, понедельник, вторник, среда... – весело сосчитала Аля, для верности загибая пальцы. – Значит, завтра я еще работаю, а в субботу выходная!

– Погоди, сейчас возьму таблицу... Ты у нас кто по знаку – близнец?

Некоторые девушки, тоже пожелавшие узнать свой гороскоп, подвинулись ближе. Эльвира посулила Але успешное лечение, правда, велела не расслабляться, чтобы не быть обманутой. Очевидно, это относилось к тому, что Алю могли обсчитать при оплате оказанных услуг. Потом начались предсказания в адрес других продавщиц: одной выпадали по гороскопу интересные покупки, другой, панически боявшейся пополнеть, предлагалось потреблять больше калорийной пищи. Потом кто-то предложил посмотреть, что в ближайшем будущем ожидает начальницу, к общему возмущению оказавшуюся овном (знак вычислили по дню рождения – собирали недавно на подарок). Овну предлагалось не бояться принимать смелые решения.

– Прочитайте мне, – вдруг попросила Вика. Обычно она не участвовала в таких разговорах, но ведь сегодня вечером предстояла ей встреча с работодателем... Вдруг гороскоп предскажет что-нибудь дельное? А может, она вообще стоит здесь, в этом торговом зале, последний раз?

Эльвира засуетилась, явно обрадованная тем, что ее полку прибыло:

– Ты у нас кто по знаку, весы? Оно и видно – страсть какая уравновешенная! Ну, давай посмотрим... «В ближайшие дни вас ожидает перемена всей вашей жизни...»

– Ух ты, круто! – простодушно одобрила Аля. – Обычно они осторожней пишут...

– Что значит – осторожней? – Эльвира почувствовала себя оскорбленной за астрологов, у нее даже щеки зарозовели. – Что ты хочешь сказать: они, что ли, все это придумывают? Как захотят, так и напишут? Ведь у них же предначертания той силы, что управляет миром!

– А, ну если предначертания... – Аля дала обратный ход, но Эльвиру уже трудно было успокоиться:

– Нет, если не веришь, зачем тогда спрашивать? Что мне все время вас, бестолковых, учить?!

– А я к тебе в ученицы просилась? – сощурила глаза Аля.

– Не волнуйтесь, девочки, – пыталась успокоить их Вика. А то еще, глядишь, разгорится сыр-бор, косвенно связанный с ее именем. – Вот ведь мне же предсказано, а я не волнуюсь...

И вдруг она каким-то шестым чувством уловила, что атмосфера торгового зала в корне изменилась. Эльвира отвела взгляд в сторону, словно вообще ни с кем сейчас не разговаривала. Али вообще уже рядом не было, равно как и других девушек – все рассыпались по своим местам. Зато от дверей завсекции взирала невеста когда вернувшаяся начальница, и взгляд ее

был отнюдь не взглядом «овна»! Ежась под этим жестким ядерным излучением, Вика поняла, что осталась крайней: ее засекли, когда она отвлекалась в рабочее время. Конечно, провинность невелика, но начальница любит придирается к мелочам. Однако дело было еще хуже: в двух шагах от Вики переминался с ноги на ногу пожилой, неловко улыбающийся чудик в мятом старомодном плаще, в сползающих очках. Покупатель! Несмотря на свой потрепанный вид, этот тип, которому здесь явно нечего делать, имел статус священной коровы, перед которой все здесь падали на колени. Не заметить направляющегося к тебе покупателя (а этот кретин, видимо, привлеченный «стилем бэби», шел именно к Вике) являлось вопиющим нарушением правил.

– Чем вам помочь? – сладким голосом обратилась начальница к покупателю, намеренно отстраняя Вику: дескать, с тобой разговор еще впереди. – Мы можем проводить вас в медицинскую секцию: массаж, кислородный коктейль, меряем давление. Или в бытовую: сауна-парикмахерская-солярий... Или в отдел торговых новинок... А может быть, сперва пройдете в кафе?

Рано встающий шизик забормотал что-то невразумительное. Он и сам чувствовал, что попал куда-то не туда и нарушил своим появлением обычную атмосферу этого застланного коврами салона.

– Вы хотите сделать покупку? – продолжала допрашивать начальница. – Что бы вы желали у нас приобрести?

– Дрель нужна, – сконфуженно отвечал чудик в мятом плаще. – Для работ на даче...

Скорее всего, он просто перепутал их заведение с обычным магазином. Начальница, сощуриив глаза, объявила, что в соседнем торговом зале есть электрические приборы, и добавила несколько цен, от которых этот затряханный дачник поспешил к выходу. Вика почувствовала в сердце робкую надежду: раз инцидент исчерпан, может быть, ей не влетит. Ведь ясно же, что этот человек при всем желании не мог стать клиентом их шикарного супермаркета. Но как только потрепанный плащ скрылся из виду, в зале прозвучал короткий приказ:

– Могилева – ко мне в кабинет.

Впереди шла начальница, на два шага за ней Вика. Девушки провожали их гробовым молчанием: когда рядом с тобой рвутся разряды молний, лучше не шевелиться, чтобы, чего доброго, не навлечь их на себя. И только в глазах Эльвиры бились лучики нетерпенья: ей хотелось тут же указать Але, что события в Викиной жизни, судя по всему, уже начались...

4

Под скамейкой в сквере валялись дорогие туфельки, каблучками-шпильками врозь. А на самой скамейке сидела, подобрав под себя ноги и закрывая лицо ладонями, пухленькая светловолосая девушка. Она содрогалась в рыданиях, тихонько подвывая: «Дура! Вот дура несчастная!...»

Больше Вика и сказать себе ничего не могла. Ну ведь не первый день она на свете живет, знает, что в деловом современном мире истерики не проходят, а тут вдруг слетела с катушек, потеряла над собой управление. Дура психованная! Что она там кричала в кабинете начальницы: «Я так больше не могу!»? И эта стерва тут же налила в стаканчик воды и стала ее уговаривать, словно мать родная: «Выпей водички, Вика. Ты, конечно, права. У тебя переутомление, надо отдохнуть...» Да если бы Вика знала, что стоит за этими как будто участливыми словами!

И дальше все пошло быстро, чересчур быстро. Пока она редела, стерва выходила из кабинета – кто бы мог подумать, что это поход к директору согласовывать ее, викино, увольнение? Сама Вика не понимала происходящего: ей казалось, человека не могут вышвырнуть из-за такой, в сущности, ерунды. Ведь что было-то? Разговор в рабочее время, ну, еще не заметила покупателя – такого, который все равно не мог принести магазину никакой выгоды. Ничего криминального, в худшем случае тянет на штраф, в лучшем – на замечание. Поэтому Вика не кинулась вслед начальнице, уверяя в своей вечной преданности супермаркету и ей лично. Таким образом был упущен последний шанс спастись. Дура, и ничего больше! Куда девался ее инстинкт самосохранения, до сих пор позволявший лавировать среди сложных жизненных ситуаций?

В викиной сумочке лежал длинный бледно-сиреневый конверт: ей оплатили дни, отработанные со времени прошлой полочки. Теперь на эти деньги она должна жить до тех пор, пока снова не устроится на работу. А сколько это потребует труда, сил, унижений; сколько будет «пустых скорлупок», когда из кожи вон вылезает, чтобы разгрызть орех, а внутри одна черная пыль!

В общем, ничего хорошего ждать не приходилось. Если не выручит везение, Вика вообще пропадет. Очень возможно, в ближайшее время ей придется стать проституткой, терпеть уже не моральный, а примитивный физический садизм. Да еще СПИДом заболеть, со всеми вытекающими последствиями. А может быть, жизнь готовит ей превращение в бомжиху, как вон та, с опухшей от пьянства рожой, которая заглядывает под соседнюю скамейку в поисках банок из-под пива.

Горькие слезы вновь хлынули из глаз, но эти были уже последние. Самостоятельные девушки знают цену слезам. Иногда их стоит лить в кабинетах или перед камерой, а на скамейке в сквере – пустое дело. Никто тебя здесь не пожалеет, никто тебе не поможет. Правда, слезы сами по себе дают передышку горю; после них легче собраться с мыслями.

«Почему же я все-таки так опростоволосилась?» – уже без истерики подумала Вика. И поняла, что причиной всему был ее ночной звонок по объявлению. Из-за него она сбилась с внутреннего ритма, из-за него не могла расслабиться даже во сне, не отдохнула как следует – и вот результат. Первая, пока еще мелкая ошибка заключалась в том, что ее дернуло спросить Эльвиру про гороскоп; жила она без этих предсказаний и еще сто лет прожила бы. Вторая – в невнимательности к шизу, который сейчас, поди, пробует свою дешевенькую дрель, которую купил где-нибудь на распродаже, и думать не думает, что сгубил человека. Ну а истерика у начальницы – это уже не ошибка, это срыв, за который теперь придется платить сполна.

Вика подняла свои туфельки, стукнула их друг о дружку и вновь надела. Может быть, теперь удастся с ними покончить. Хотя проститутки тоже стоят и даже подолгу танцуют в обуви на шпильках... Неужели действительно придется стать проституткой, может, лучше поехать

домой? Но там, в далеком районном городке, жили уже немолодые родители, которые сейчас практически ничего не зарабатывали. Они существовали тем, что посылала им дочка. А сумеет ли она найти денежную работу в провинции, если не сумела найти таковой в Москве?

Оставался еще один вариант: «поручения неинтимного характера», значимость которых теперь многократно возросла. Это ее погубило, пусть это же ее и спасет. И хотя встреча была назначена на вечер, Вика решила идти по имевшемуся у нее адресу немедленно. Чего еще ждать: и так проворонила синицу, не успев поймать журавля!

Дом, где обитал неизвестный работодатель, ничем не напоминал жилье богатого человека. Он стоял на обычной улице, в ряду таких же, как сам, хрущевских пятиэтажек. По двору с криком носились дети, две бабули у подъезда беседовали о том, что какие-то вырождаки опять домофон сломали. В довершение всего на веревке, протянутой между двумя серыми тополями, сохло чье-то белье. Это уж вовсе позапрошлый век! Она подумала: а есть ли у человека, проживающего в таких условиях, средства на оплату каких бы то ни было услуг?

Но выбирать не приходилось. Измученная Вика слишком хорошо знала, что сейчас судьба разыгрывает ее последний шанс. Она зашла в подъезд с поломанным домофоном, поднялась по лестнице и позвонила в квартиру.

Дверь открыл высокий старик с залысинами, с ярко-черешневыми глазами, под которыми собрались мешочки морщинистой кожи. Однако в нем чувствовалась претензия на молодость и даже некоторый шик. Держался он бодро, был подтянут, впалую грудь скрадывала просторная замшевая куртка с ярким платочком в кармане. Но главным отличием этого человека был его живой быстрый взгляд, схватывающий все на лету.

– Пожалуйста, проходите, Виктория. Садитесь прошу вас. Может быть, кофе?

– Давайте сперва поговорим, – попросила немного оттаявшая от его любезности Вика. – Я пришла раньше, чем мы условились...

– А я и ждал вас раньше, так что все в порядке, – вежливо перебил хозяин.

– Почему? – удивилась Вика.

– Ну, я подумал: вдруг у этой чудесной девушки неприятности на работе, тогда она придет раньше. – Он подкатил к дивану столик с пепельницей и папиросами. – Хотите курить? Прошу вас, почувствуйте себя дома.

«Скажите, какой догадливый, – подумала Вика. – Только почему он сказал “дома”, а не “как дома?”». Впрочем, сейчас предстояло выяснять куда более важные вопросы, чем неточно употребленное выражение.

– В объявлении не сказано, для чего конкретно вы нанимаете девушку. Что значит «поручения неинтимного характера»?

– Что бы это ни значило, вам не будет сложно их выполнять. Потому что делать вам, в сущности, ничего не надо.

– Как это – ничего? – Вика сперва замешкалась, а потом чуть не подскочила на его мягком гостеприимном диване. – Вы что, наняли кого-то другого?!

– Успокойтесь, никого я не нанял. Я надеюсь договориться с вами.

– Так в чем будет заключаться моя работа? – с облегчением спросила она.

– У вас не будет работы как таковой. Активную роль в процессе достижения цели играю я сам, а вы только должны...

– ...помогать вам? – закончила она.

– Скорее, допускать до себя... не препятствовать... Опять получалась какая-то чепуха. Ведь он же писал:

«поручения неинтимного характера»!

– Если вы имеете в виду секс, то это здесь ни при чем, – прозвучал мягкий голос работодателя. – Мои поручения лежат в иной плоскости. А в какой – это разговор не на пять минут... Сперва позвольте представиться: Захар Феликсович, по профессии я психолог.

«Похоже, – про себя отметила Вика. – Кажется, он действительно разбирается в психологии...»

– Гражданин вселенной, – продолжал этот странный человек. – Соединяю в себе два противоположных полюса: Восток и Запад. Так сказать, глубокую натуральную мудрость с плодами цивилизации.

– Как это? – не поняла Вика.

– Моя мать происходит из знойных пустынь, что, говорят, нашло отражение в моей внешности... конкретно в цвете и форме глаз. Также она дала мне библейское имя: Захар, Захария... – Он несколько раз кивнул головой, словно соглашаясь со своей матерью, наградившей его столь необычным именем. – А вот отец мой родом из западных рыцарей, которые приходили на Русь в тринадцатом веке. Нашествие крестоносцев, помните?

– А, ну да... в тринадцатом веке...

Вике хотелось показать себя образованной, но из этого ничего не вышло. Каким-то образом – вероятно, исходя из законов психологии, – ее собеседник догадался, что она знать ничего не знает про крестоносцев. Может быть, в школе когда-то проходили, но это же было так давно... Да и вообще, у школьников принято вытряхивать из головы школьные знания вместе со звонком, возвещающим конец урока.

Захар Феликсович усмехнулся, как будто довольный невежеством Вики и в то же время слегка презирающий ее за это:

– Что ж, не знаете так не знаете. Сейчас молодежь вообще мало интересуется историей...

– Если нужно, я выучу, – опять же по-школьному пообещала Вика.

– Нет, зачем же. Это просто к слову пришлось. Расслабьтесь, я ведь уже сказал: вам не придется ничего делать...

Но Вика, наоборот, насторожилась. Она хорошо знала, что просто так деньги не платят, если, конечно, ты работаешь не в папиной-маминой фирме. Человек, с которым она сейчас беседует, не похож на простака-альтруиста, готового держать девушку на работе за красивые глаза. Значит, во всем этом скрыта какая-то ловушка, и надо быть очень собранной, очень внимательной...

– Не бойтесь, я вовсе не хочу отобрать ваш паспорт, чтобы потом отвезти вас за границу и продать в рабство. Я вообще этим не занимаюсь. Лучше скажите: известно вам, что такое *тайное знание*?

– Немножко, – бодро ответила Вика.

Нужно было сейчас же вспомнить, что говорила на этот счет Эльвира: кажется, в ее мудреных наставлениях встречалось такое сочетание слов.

– Что именно вам об этом известно?

– Одну минуту! Это что-то про йогов... или про экстрасенсов... короче, про колдунов. Вообще про тех, кто занимается магией...

– Исчерпывающий ответ, – кивнул собеседник. – Так вот я как раз из тех, кто ею занимается. Можно сказать, колдун. – Он этого слова не стеснялся, продолжая в упор смотреть на Вика своими выпуклыми глазами цвета спелой черешни. – Пытаюсь постичь тайное знание и поставить его себе на службу. Для этого, как вы, вероятно, догадываетесь, надо многое понимать и многое уметь.

– Еще бы!

Эльвира не раз говорила девочкам о том, сколько всего приходится читать, учить, практиковать на собственном опыте, просто с ума сойти... Вот и Вике теперь, значит, придется...

– То есть я занимаюсь эзотерикой – теорией магии. Это изнурительные занятия. Тому, кто в них погружается, необходим резервуар свежего воздуха, чтобы при случае отдышаться.

Вика не знала, что на это ответить. Ее будущий работодатель теперь казался задумчивым, словно говорил не с ней, а в первую очередь сам с собой.

– Итак, резервуар... А, кроме того, в фундамент доктрины должны быть заложены свежесть и непосредственность естества.

– Какой доктрины?

– Той, которая дает власть над людьми и вещами, – не смущаясь, пояснил Захар Феликсович. – А свежесть и непосредственность я намерен получать от вас.

– От меня? – удивилась Вика.

– Я буду снимать их с вашей ауры, как пенку с варенья... Мелькнула мысль: «А может, он сумасшедший?». Но у этого человека был вполне осмысленный взгляд, уверенная манера поведения и своя, не совсем понятная, однако как будто твердая логика. Сейчас многие чуют, кто во что горазд, не теряя при этом общего здравого смысла. Вероятно, таков и этот работодатель: в целом нормальный, но малость сдвинутый в одном пункте, вот как Эльвира. Иногда такие люди действительно зарабатывают деньги на своем увлечении, хотя бы и болезненном. А это для Вики главное – чтобы он заработал деньги, в которых и заключается настоящая «власть над людьми и вещами». Именно в них, а не в какой-то там доктрине. Если этот человек успеет, то и Вика, как его ассистент, не будет сидеть без гроша.

– Захар Феликсович, – вслух сказала она. – А каким образом в смысле варенья... ну, как вы собираетесь получить от меня свежесть естества?

– Я буду забирать у вас внутренние импульсы. Каждый человек в процессе своей внутренней жизни вырабатывает какие-то впечатления, эмоции, вспышки энергии. Вот и вы тоже, а для меня это ценный материал. Ваши импульсы будут для меня кирпичиками, из которых я выстрою свое здание... Не бойтесь, больно не будет, – поспешно добавил он, видимо, почувствовав шевельнувшуюся в ней тревогу.

– Но как именно это будет происходить?

– Вы просто ляжете на диван, а я буду водить руками над вашей головой.

– И все?

– В видимом преломлении все.

– А какое еще есть это, как его... преломление?

– Еще есть внутренне, невидимое, понимать которое вам не надо. Вы должны оставаться такой, как есть, – наивной и непосредственной. Иначе ваши импульсы потеряют свое значение. Вы мой ресурс, мои полезные ископаемые, – добавил он, ласково глядя своими выпуклыми черешневыми глазами.

Вика сама не знала, нравится ей это или нет. С одной стороны, чего лучше – живи себе как живешь, а он будет пользоваться твоими импульсами. Но все-таки непривычно. До сих пор никто не относился к ней, как к полезному ископаемому. В этом, пожалуй, было нечто оскорбительное, а может быть, и пугающее. Что она, нефть какая-нибудь или железная руда? Обозначенный подход к ее личности словно превращал ее саму в неживую природу, а ведь Вика была живая...

Но выбирать безработной девушке не приходится. Со временем она, может быть, глубже вникнет в рассуждения своего шефа, и тогда окажется, что он не имел в виду приравнять ее к нефти. Сейчас же для Вики главное – сколько он готов платить. Ей нужно хорошо зарабатывать: на еду, на тряпки, посылать родителям... Ну а главную брешь в ее бюджете пробивает, конечно же, плата за квартиру...

– Кстати, жить вы можете здесь, – прозвучал над ее склоненной в раздумье головой спокойный голос работодателя. – Зачем вам тратить лишние деньги?

– Здесь? – ошеломленно повторила Вика.

– Ну да. Эта квартира двухкомнатная. Вон там, – он указал на внутреннюю дверь, – во второй комнате будет ваша территория. А здесь моя. Это и для меня хорошо, чтобы вы в любой момент были под рукой...

– Да, конечно, это удобно... – пробормотала Вика. – Но все-таки как-то неожиданно... Я об этом не думала...

– Что вас смущает? – не отступал он. – Отдельная комната, разве это не хорошие условия? Приставать к вам как к женщине я не стану. А вот хозяйство вы должны вести: кухня, уборка, магазины...

– Вы хотите, чтобы я была у вас домработницей по совместительству?

Он пожал плечами:

– Что же тут необычного? Возьмите в пример средневековье: подмастерье всегда выполнял для мастера домашнюю работу.

Против домашней работы Вика не возражала, однако ей было ясно, что на деле все окажется не так просто. Предложенный вариант грозит полной потерей независимости! Все время рядом с хозяином, и в любой момент он может что-то потребовать: импульсы, обед, поддакивание в беседе, коль скоро ему захочется с нею поговорить... И постоянно быть на виду, постоянно в напряжении – да это же сушая кабала! Нельзя будет в себя прийти!

Однако вслед за тем Вика подумала, что выбора у нее, похоже, нет. Может быть, ей и не понадобится приходить в себя, если действительно ее функция ограничится тем, что Захар будет отбирать ее импульсы, которые рождаются сами собой. К тому же отпадает самый большой расход – плата за жилье. А домашнее хозяйство, что ж тут такого! Вика так давно им не занималась, что, можно сказать, с удовольствием... Интересно, сколько он будет платить ей за совмещение двух функций: донора, выдающего импульсы, и труда домработницы? А также за ненормированный рабочий день, точнее, сутки?

– С заработной платой придется повременить, – опять услышала она над собой спокойный голос Захара. – Сейчас я не могу себе этого позволить, но в перспективе...

Однако Вика знала, чего стоят байки о том, что сейчас денег нет, но вот со временем, как только разбогатеет... Не видя смысла в дальнейшей беседе, она встала с дивана.

– Куда вы пойдете? Ведь вас же уволили! – прокричал он ей вслед.

От удивления Вика остановилась: кажется, она ему не рассказывала, что ее сегодня выгнали из супермаркета...

– Откуда вы знаете?

– Ах, вам интересно, откуда я это знаю... Ну что ж, смотрите!

И тут произошла странная метаморфоза. Захар вдруг ссутулился, опустил плечи. В его чертах появилось смущенное выражение человека, ошибкой попавшего в шикарное место, не рассчитанное на таких, как он. Вытащив из-за обшлага куртки очки, Захар водрузил их на нос: его привлекающие внимание глаза померкли, словно утонув за мутно-белесыми стеклами. Рядом стояла вешалка: мистификатор одним движением стащил с нее какую-то наволоку, принявшую на его плечах вид старого плаща.

– Девушка, у вас не найдется дрели для дачных работ?..

– Что-о? – ошеломленно отшатнулась от него Вика. – Так это были вы?!

Он с притворным смирением развел руками:

– Как говорит восточная мудрость: нет смысла хитрить, если ты сам себя разоблачил.

– Но я не понимаю!.. – Вика топталась в передней, переваривая эту неожиданную информацию, и уже не могла уйти без разъяснений. Выходит, Захар являлся с утра в их супермаркет? Зачем? И вообще, как он сумел ее вычислить?

– Вы рассказали мне, где находится место вашей работы, – спокойно объяснил этот наглый мистификатор. – И потом я спросил у охраны, в каком из торговых залов можно найти Викторию. А уж там, в зале, угадал вас просто по облику. Ведь я все-таки психолог! Всю жизнь проработал в психоневрологическом диспансере, недавно вышел на пенсию.

«Лучше б не выходил, – подумала Вика. – И денег у тебя было бы больше, и всякая дурь не лезла бы в голову. Разыгрывал бы свои штучки на больных, может, им шло бы на пользу. Вместо шоковой терапии...»

– Ну хорошо, нашли вы меня, а дальше? – вслух спросила она.

– А дальше я сделал так, чтобы вас уволили. Потому что вы мне нужны...

Вика так и села на табуретку в прихожей, а он, не смущаясь, рассказывал дальше:

– Конечно, я не рассчитывал, что вас уволят только за то, что не вдруг разглядели мою особу. Я предпочел подстраховаться: когда эта милая женщина, ваша начальница, увела вас с собой, я заглянул к генеральному директору...

– Вот это уж вранье! – вырвалось у Вики. – Наш директор таких не принимает...

– Позвольте уточнить – каких именно?

– Да вот таких: в старых плащах и с видом побитой собаки...

– А я его снял, – усмехнулся Захар. – Зашел в туалет, снял плащик, причесался, расправил плечи... и вышел преображенный. Главное, плечи – они, можно сказать, задают фигуре тон. Ну и дресс-код должен быть на уровне. Кстати, не обязательно смотреться олигархом, вполне достаточно – стильным менеджером. Такие тоже заходят в шикарные салоны...

Да, это было правдой. Среди клиентов супермаркета продавщицы различали как действительно богатых людей, так и категорию тех, кто их обслуживает. Менеджер олигарха, мажордом олигарха...

– Так вот, зашел я к гендиректору. Он меня принял и выслушал весьма благосклонно. Потому что я умею говорить с людьми: каждому скажу то, что он хочет услышать. Это тоже от психологии – умение задеть чувствительные струнки человеческой личности, – с удовольствием докладывал он. – Ну, и артистические способности не последнее дело. Ваш покорный слуга когда-то посещал драмкружок...

– Плевала я на ваши способности!

– А вот выходит, они сыграли роль и в вашей судьбе, – слегка осклабился он, продолжая издеваться. – Я сумел представить дело так, что хозяин стал беспокоиться о престиже своего заведения. В самом деле: чего ждать от места, где обслуживающий персонал прямым текстом посылает клиентов куда подальше?..

– Вы сказали директору, что я вас послала?

– Вот именно. Я объяснил, что вы заболтались с другой продавщицей, а мне пришлось ждать. Когда я же наконец напомнил о себе, вы употребили крепкие выражения. Я так расписал, что довел вашего шефа до белого каления...

– А зачем вы все это сделали? – с кривой улыбкой поинтересовалась Вика. Старикашке пришлось изрядно побеспокоиться, чтобы навредить ни в чем не повинному перед ним человеку!

– Я уже сказал: вы нужны мне здесь, свободная от другой работы...

– Почему же именно я?

Вика чуть не плакала от досады: впервые в жизни ей удалось оставить позади конкурентов, причем безо всяких усилий с ее стороны, как она всегда и мечтала... И вот результат!.. Конечно, супермаркет был местом, из которого ей хотелось сбежать, но он гарантировал выживание. А теперь у нее в перспективе только лихорадочный поиск хоть какой-нибудь работы, потому что с этим мерзавцем она дела иметь не будет. Вот только дослушает его объяснения, и за дверь...

– Почему именно вас? Во-первых, вы позвонили мне ровно в полночь – время, как наиболее подходящее к специфике моих занятий.

– Я не думала о том, чтобы звонить в полночь. Это вышло случайно...

– Ничего случайного в жизни не существует, – отмахнулся он от ее слабого возражения. – Во-вторых, мне нужна девушка с символикой: а у вас символичны как имя, так и фамилия...

– Только имя, – поспешила заверить Вика. – Фамилия у меня самая обычная – Могилева! Мои предки родом из Могилева, какая тут символика?

– Я так и предполагал, что в вас есть западнославянская кровь, – любезно осклабился дурацкий искатель символов. – Голубые глаза, светлая кожа, слабозолотистые волосы... А корень, как ни крути, мистический! – возвысил голос Захар. – Что хранит все тайны? Могила!

В общем, больше ждать было нечего. Ее новый знакомый достаточно раскрыл себя: вредный и опасный тип, к тому же все-таки сумасшедший – если не полностью, так частично. Жалко, что она на него навалилась, но теперь уж ничего не поделаешь. Вика встала и пошла к выходу.

– Оставайтесь, – говорил он, подвигаясь вслед за ней. – У меня уже кое-что получается, несмотря на то, что в науке тайного знания я пока новичок...

Вика, не слушая, крутила замок в прихожей.

– Вы только подумайте, как мы преуспеем вместе! – продолжал он, нависая над ней своей высокой фигурой. – Любая зарплата покажется вам впоследствии каплей в море по сравнению с тем, что вы получите от меня... А пока, по крайней мере, будете сыты, в тепле и при твердом волевом руководстве, которого вам, с вашим характером, явно не хватает...

Он все еще продолжал издеваться!

– Дай пройти, – процедила сквозь зубы Вика.

– Соглашайтесь, не прогадаете! Иначе что вы будете делать?

«Ах ты умник какой... – злилась Вика, с закушенной губой пытаясь открыть замок. – Да любая работа лучше, чем с тобой связываться... В бордель пойти, полы мыть, бутылки на улице подбирать – все лучше!»

– Кем же вы теперь станете: дворником?... уборщицей?... проституткой? – взывал он, выходя вслед за ней на лестничную площадку. – Или пойдете бутылки собирать?... В любом случае помните – мое предложение остается в силе! – крикнул он, уже перегнувшись через перила на лестницу, по которой Вика спускалась вниз.

Точку в его монологе поставил хлопок входной двери.

5

Николай Дмитриевич, или просто Коля, пять лет назад приехал из Владимирской области поступать в богословский институт, на факультет православной педагогики. Во время экзаменов и потом, все годы учебы, он жил в небольшом чистеньком общежитии, где у него было много друзей и доброжелателей. Теперь, после окончания курса, встал вопрос – что дальше? Положение с православными педагогами пока не определилось: с одной стороны, их как будто не хватает, особенно если учесть, что в школьную программу ввели урок духовной культуры. Но пока ее преподают только в четвертом классе, один час в неделю. Устроить дополнительные православные занятия нигде не соглашались. В обычных школах разводили руками: не предусмотрено. В специализированных, то есть воскресных, существующих при храмах, и в православных гимназиях уже были свои учителя. Кроме того, Коле хотелось именно в простую школу: ведь дети из верующих семей и без того имеют возможность прикоснуться к Истине. А сколько таких, которые слыхом не слыхали ни о духовной культуре, ни о самой духовности...

Не сумел устроиться – значит, надо ехать домой, в поселок Пеньки Владимирской области. Но всякий раз, когда Коля начинал всерьез собираться из Москвы, что-нибудь мешало его отъезду: или статью возьмут в богословский журнал, надо готовить ее к публикации, или в приемной комиссии попросят помочь в горячий период поступления абитуриентов. Кроме того, не отпускало непонятное чувство ожидания: словно что-то еще должно произойти с ним в столице, особенное и очень важное... А может быть, просто не хотелось расставаться с товарищами, с прикипевшей к сердцу средой православной молодежи, с большой институтской библиотекой...

Из общежития пока не гнали. Выпускники, не желавшие, подобно ему, уезжать, устраивались в институте на какие-нибудь простые должности: кто электриком, кто вахтером, по совместительству дворником... Коля оформился разнорабочим в институтскую столовую: ставка была мизерной, зато за ним оставалось койко-место, плюс давали трехразовое питание. И занят он был не весь день. Разгрузишь утром машину продуктов – гуляй до обеда, разгрузишь днем – гуляй до вечера... Так что эту работу он мог выполнять по совместительству со своим основным делом – с православной педагогикой, если бы нашлась такая возможность.

И однажды она нашлась. Коля сумел понравиться администрации обычной школы, а потом родительскому собранию шестого класса «Б». Родители единодушно проголосовали за то, чтобы у их детей вместо «пустых» уроков, когда учитель болеет и нечем его заменить, шли Колины занятия. Они написали заявления по всей форме: «Я, имя-отчество-фамилия, прошу включить моего сына (дочь), имя-фамилия, в группу занятий по программе “Духовная культура”...»

Таким образом, взрослые доверили Коле говорить с детьми о духовном. Теперь дело стало за тем, чтобы сами дети этого захотели...

К своему первому уроку Коля готовился, как путешественник, собравшийся переплыть океан на маленькой утлой лодочке. Скорее всего, ему предстоит погибнуть в бурю или остаться без пищи, или на островах, к которым он причалит в поисках пресной воды, его съедят каннибалы. Ничтожно мала надежда достичь благодатной гавани, Земли Обетованной, которой в данном случае являлось чье-то детское сердце, тронутое его рассказом. Но плыть стоило даже ради одного шанса из ста.

Прежде всего Коля решил поговорить со своими шестиклассниками о Боге. Иначе в узоре православных традиций они увидят лишь отдельные цветные ниточки, а в необъятной конструкции мироздания – отдельные кусочки мозаики. Да и вообще, без такого начала невозможно ответить на главные вопросы: в чем смысл бытия?.. что ждет человека после смерти?.. Зачем надо быть добрым, милосердным, порядочным?.. Ведь на всякое «надо» в любом классе

найдется человек, который спросит: «А *почему* надо?». И никакой ответ учителя его не убедит, ибо к каждому объяснению он будет прибавлять еще одно «почему»: «А *почему* так лучше?.. А *почему* именно это правильно?». И только обращение к личности Бога поставит все на свои места.

Итак, он сказал ученикам, что хочет поговорить с ними о самом главном. Но едва успев начать, уже прочитал в поскучевших детских глазах, что его маленькая лодка идет ко дну. Шестиклассникам было неинтересно слушать рассуждения о Пресвятой Троице, которых они все равно не могли понять. Колины слушатели не привыкли заглядывать дальше компьютерных стрелялок, мультиков-ужастиков, отупляющих игр на телефонном дисплее. Новый учитель предложил им поговорить о самом главном, и они согласились, подспудно чувствуя, что стрелялки, ужастики и телефонное «усыпление мозгов» не могут дать настоящей опоры в жизни. Но коль скоро дело оборачивалось непонятной говорильней – что ж, значит, взрослые в очередной раз развели их, как дурачков. Тогда можно заняться чем-нибудь привычным, хоть в телефон опять поиграть...

– Кто может назвать какое-нибудь доброе дело? – спросил Коля с такой отчаянной интонацией, будто кричал: «Спасите, тону!»

Это возымело действие: тотчас же поднялась целая рощица ребячьих рук. В качестве добрых дел называли помощь маме по хозяйству, помощь товарищу в уроках, старание хорошо учиться, готовность уступить место в транспорте старушке или инвалиду.

– А я кошке «Вискас» давал, – расплылся в улыбке лопухий, видать, не шибко развитой паренек.

Коля быстро нарисовал на доске маленький белый кружочек и подписал под ним: «Доброе дело».

– Видите, ребята, это у нас доброе дело: помощь ли кому, сочувствие, борьба за правду, забота о животных. Любое доброе дело – согласны?

Шестиклассники кивнули, ожидая, что будет дальше.

– А теперь давайте вообразим, будто все добрые дела на свете собираются вместе! – Коля стал рисовать белые кружки по всей доске и вскоре оказался осыпан мучнистой меловой пылью. – Это будет одно огромное, ослепительно сияющее облако. Постарайтесь его себе представить. В нем – все добро, какое только существует во вселенной; Добро с большой буквы... Все благо, все милосердие, вся правда собрались в нем... Вот это и есть сущность Бога.

Слушатели наморщили лбы, генерируя внутреннюю работу, а Коля между тем перевел дух. Кажется, его лодка плыла, отражаясь в детских глазах, ставших теперь осмысленно-внимательными. Плыви, плыви, лодочка! Если в сознании учеников понятие Добра сомкнется с понятием Бога, это уже и будет самое главное...

– Николай Дмитриевич, – подняла руку темноволосая, с поблескивающим взглядом девочка, чем-то похожая на синичку. – Вот вы говорите «облако». А ведь Бога рисуют как человека...

– Понял, – кивнул ей Коля. – Как раз об этом мы и будем сейчас говорить. Наше облако условно обозначает суть Бога. «Бог есть Добро», – перефразировал он богословское «Бог есть Любовь», ибо слово «любовь» дети могли понять не в том смысле. – Но эта суть проявляется в трех образах, или, можно сказать, в трех лицах: Бог-Отец, Бог-Сын, Бог-Дух Святой.

– Три бога? – догадливо осклабился лопухий паренек, который давал кошке «Вискас».

Коля вновь почувствовал себя на волосок от гибели: теперь его лодочке угрожала новая шквальная волна. Если сейчас дети поймут его превратно, вместо важнейших знаний о Боге получится древняя ересь, с которой боролись еще в четвертом веке. Тогда учение о Троичности Единого Бога отстаивал на Вселенском соборе Николай Чудотворец, Колин именной Святой. Хоть бы он, знаменитый спаситель утопающих, протянул ему сейчас руку помощи!

Между тем на задней парте исподволь началось движение, не имеющее ничего общего с теологической философией. Три крутых пацана открыли бутылку минералки, очевидно, решив разыграть в классе пресловутую рекламу «А у нас фиеста». Коля смотрел на них в упор, ожидая капитуляции. Но они не стушевались – наоборот, им было нужно учительское внимание, без которого вся их выходка теряла смысл.

– Хотите попить? – предложил самый дерзкий из мальчишек.

Его дружки ждали, не сводя с Коли глаз. Да и все глаза в классе были сейчас обращены к учителю: сочувственные, любопытные, с затаенным злорадством, просто выжидающие. Нужно было немедленно что-то предпринять. И вдруг Колю осенило:

– А ну-ка посуду сюда! Ко мне на стол!

Он сам прошел в конец класса и забрал из неохотно разжимавшихся ладошек три стакана: примитивный граненый, тонкий с узором и приземистый, больше похожий на стеклянную чашку. Воду он тоже прихватил и потом на учительском столе разлил минералку по трем посудинам.

– Смотрите сюда! Это одна и та же вода, согласны?

– Одна и та же! – закричали со всех сторон.

– А стаканчики разные?

– Разные!

– Теперь будьте внимательны, – попросил Коля, не замечая, что пользуется самой избитой учительской фразой. Дети тоже этого не заметили: лодка уверенно держалась на плаву...

– Смотрите сюда: мы видим, что три сосуда различны по форме, но одинаковы в смысле содержания, потому что наполнены одной и той же водой. Значит, суть одна, а формы разные. Это и есть пример того, как Единый Бог существует в трех лицах.

Пока слушатели переваривали это необычное объяснение, Коля решил, что классу нужна передышка. Надо задать какой-нибудь совсем простой, очень легкий, но все-таки подходящий к теме вопрос.

– Давайте вспомним: как часто в русском фольклоре, в сказках и былинах, встречается число три?

– Три богатыря! Три дороги! Три сестры! Три сына! – закричали со всех сторон. – Три царевны! Три битвы! Три испытания!

– Два раза что-нибудь делать, и на третий получится, – добавил приятный с виду мальчик, глядя в лицо учителя серьезными серыми глазами.

– Правильно, – подвел итог Коля. – Число «три» постоянно встречается в сказках, а ведь сказки, учтите, отражают глубину человеческого подсознания. Число три – особенное, оно и в науке занимает центральное место. Сейчас я приведу вам один пример...

Дети продолжали внимательно слушать – лодка еще ни разу не зачерпнула воды!

– Вы знаете, что такое атом? Это мельчайшая частица, из которой состоят все вещи на земле. Ну а в самом атоме есть три составляющих: протон, нейтрон, электрон. И в то же время он – «единый и неделимый», как переводится само слово «атом»...

– А ведь правда, похоже, – улыбнулась аккуратная девочка с белым воротничком, сидевшая за первой партой.

– На что? – для проверки уточнил Коля.

– На то, о чем вы сейчас говорили... что Один Бог в трех лицах.

Такой ответ окрылил Колю, и он продолжал с новым воодушевлением:

– А еще, оказывается, в природе только три самостоятельных цвета: красный, синий и желтый. Все остальные цвета происходят от их различных комбинаций. А если наложить красный, синий и желтый друг на друга, получится ослепительно белый цвет...

– Как наше облако, – заключил сероглазый мальчик, облив бальзамом сердце учителя. Теперь уже не было сомнений: дети понимают его, урок удался, лодка плывет напрямик в благодатные края...

– Николай Дмитриевич, – вновь подняла руку девочка, похожая на синичку. – Вот вы сказали: Бог-Отец, Бог-Сын и Бог-Дух Святой. А где же тогда Христос?

Вопросы этой быстроглазой умницы неукоснительно вели беседу по изначально наметенному Колей пути, на шаг вперед от его учительских объяснений. Теперь пришло время сказать, что Бог-Сын и есть Христос, Спаситель мира, воплотившийся в человека, чтобы от имени людей принести великую жертву – страдания и смерть на Кресте. Он умер, искупая грехи человечества, а через три дня воскрес, утвердив таким образом победу Добра над злом, Рая над адом, Жизни над смертью.

Коля говорил и чувствовал, что его лодка уже приплыла в Землю Обетованную. Он слышал благодатное дуновение ветерков, шелест листьев и в отдалении – шорох набегающей на берег волны. Шестиклассники сидели не шелохнувшись и только слушали, впитывали в себя эту великую историю, самую важную из всех, которые знает мир. Похоже, они слушали ее впервые. Неожиданно прозвучавший звонок засвидетельствовал, что время прошло незаметно – как для них, так и для учителя. А это и есть главный признак удавшегося урока.

6

С середины дня в цех перестало поступать сырье, и станки остановились. Уже привыкшие к таким случаям работницы занялись кто чем: одна достала вязанье, другая налила себе кефиру, в руках у третьей сиротливо щелкнула пудреница. Ткачихи этой засыхающей на корню фабрички были все народ пожилой, потому перерывы коротали чинно да степенно. Вот раньше, когда возле каждой из мастериц сидела в ученицах девчонка, от сорочьего стрекота впору было уши заткнуть... И все о нарядах да кавалерах, всякие там «любит – не любит»... Впрочем, и солидные женщины были не вполне равнодушны к этим извечным темам, особенно если что-то наводило на подобный разговор.

– Нинуль, у тебя к юбке нитка прилипла, – заметила Нине Степановне товарка Дуся. – Белая – значит, какой-то блондин к тебе клеится. Ты покрути нитку на палец, а сама считай: «А, Б, В...»

– Ну и зачем мне эти «А, Б, В»? – усмехнулась Нина Степановна. – Что я, в первом классе?

Подруга с готовностью рассмеялась.

– Языкатая ты у нас, Нинка, за словом в карман не лезешь! А буквы для гадания надо говорить. На какой букве нитка кончится, с той, значит, имя его начинается...

– Кого? – подозрительно осведомилась Нина Степановна.

– Ну кого-кого? Твоего блондина!

– Правда, Нинуль, покрути ниточку! – поддержали Дусю другие женщины. – Узнаем имя... хотя бы первую букву!

Нина Степановна лишь вздохнула: дома мать пристаёт со всякими такими делами, а здесь подруги туда же... Конечно, для них это просто шутка, игра... Но если в душе уже натерта мозоль, хочется послать всех куда подальше. Нина Степановна с трудом поборолась и постаралась ответить доброжелательно, с веселым задором:

– Ой, девоньки, не хватало еще по ниткам гадать. Да сколько их за смену налипнет, сами знаете! Если бы у меня столько мужиков было...

– Тогда была б ты у нас султанша, – закончила Дуся.

– Ты что, подруга, это у султана жен много, а у султанши мужиков никого, – поправили от соседнего станка.

– Как же никого, а султан?

– Кроме султана...

Так они перебрасывались ничего не значащими фразами, просто чтобы не думать о том, что опять выпустят меньше продукции и в день зарплаты соответственно получают меньше денег. Да что ж такое: уже который раз поставщик не обеспечивает сырьем!..

– А вот и блондин, – тихонько сказала Дуся, завидев входящего в цех начальника.

Это был потрепанный жизнью человек в дешевом костюме, с ежиком седых волос надо лбом. Когда-то он выглядел вполне презентабельно: носил, в соответствии с модой, замшевые либо кожаные куртки, откидывал голову назад, держался без суеты, говорил с уверенным оптимизмом. Мы решили, мы сделаем... И действительно – все делалось, как решили, исполнялось все, что наметили. Выполнялся план, разрешались трудности, улаживались проблемы. Это был золотой век начальника, длившийся до перестройки и еще какое-то время, по инерции. С руководством он жил в ладу, а уж женское царство работниц, бесперебойно постукивавшее педалями станков, его просто на руках носило. Пал Дмитрич, Пал Дмитрич... Уж таким победителем входил в этот самый цех...

Теперь все иначе: поставщики мудрят с сырьем, денег кот наплакал, да и сам дух на фабрике не тот, что прежде. Однако к своим постаревшим, хлебнувшим лиха работницам началь-

ник обращался по-прежнему браво, стараясь хоть с виду не терять былого удалства. На то существовали свои причины – комиссарский дух и еще одна тайна, хотя в принципе ее все в цеху знали. Не зря товарки с такой готовностью подталкивали Нину Степановну погадать на блондина...

– Что, красотули, простаиваем? – задорно спросил начальник.

В ответ хлынул целый поток нытья и ворчания. «Блондин», оглядев остатки своего побитого перестройкой женского войска, опустил на стул и подставил стакан под струю кефира, который ему предложили ткачихи. Было время, покрепче чего пивал, а теперь и то хорошо...

Кивая направо и налево, перекидываясь с работницами словечком-другим, он боковым взглядом отыскивал свою зазнобу – ядреную, смуглолицую, с карими глазищами на поллица. Не зря сама нездешняя, с заволжских лесов... Перед такой и показать себя хочется молодцом, у которого слово с делом не расходится.

– Так что, товарищи женщины? Я полагаю, с этими простоями пора кончать, раз и навсегда.

– А то не пора, Пал Дмитрич! Еще как пора! Да только разве с ними покончишь? Ведь мы ж теперь не хозяева... – запричитали со всех сторон работницы.

В это время зазноба прошла мимо, в каком-нибудь сантиметре от него прошелестев синим рабочим халатом. От этого прекрасного ветерка в нем зыграло ретивое:

– А не хозяева, так надо, шут побери, стать! Кто со мной в командировку поедет поставщиков шерстить, чтоб они, так их растак, в чувство пришли?!

– Ой, Пал Дмитрич, правда, – с надеждой заговорили женщины. – Вот бы действительно что-нибудь с ними сделать...

– Один не поеду! – пристукнул о стол начальник стаканом из-под кефира. – Какую-нибудь из вас с собой возьму, какая поязыкастей...

Наступила пауза. Нина Степановна опустила глаза, чувствуя на себе взгляды товарок. Она уже знала – сейчас ее начнут сватать в эту поездку. Вдвоем с начальником цеха...

– Я так понимаю, Нине надо ехать, – начала верная подруга Дуся. – Потому как она женщина твердая и самостоятельная, и самая из нас культурная. Умеет сказать, когда надо.

– Умеет, умеет! – поддержали женщины.

– Ну и вот. Вношу, значит, такое предложение.

«Спасибо, Дусенька, – мысленно поблагодарила Нина Степановна. – Спасибо тебе за понимание».

Дуся была надежный человек, хотя и не шибко умный и даже с довольно вздорным характером. С нее бы случилось ляпнуть какую-нибудь глупость или подолгу собачиться из— за пустяков. Но только не с Ниной, которая однажды спасла ей жизнь.

Как-то Нина Степановна забежала к подруге в выходной, а та концы отдает: внутреннее кровотечение, по женской части. Пришлось тогда с ней повозиться: «Скорую» вызывать, провозжать в больницу и потом еще месяц навещать чуть не каждый день. Хорошо, летом случилось, Настюша в лагере была. А мать много тогда точила: «Зачем, Нинка, к чужим людям таскаешься, давай лучше вдвоем дома посидим. Или тебе чужие дороже матери?..»

Потом Дуся выздоровела и подарила Нине Степановне нелепый столик на колесиках, такой неудобный в хозяйстве, что его просто поставили в прихожей под вешалку. Подарок от души, не выбрасывать же... А вот теперь подруга горит желанием послать Нину Степановну в поездку вдвоем с блондином.

– Обсудим предложение, – проронил он, не поднимая глаз.

– Конечно, Нине ехать! – зашумели вокруг. – Нине Вараковой, кому ж еще!

– Да у меня дочка школьница, – пыталась прорваться сквозь этот хор польщенная и взволнованная Нина. – И мать старая. Я из-за них никуда не езжу...

– Знаем мы твою дочку: замуж пора выдавать, не то что оставить на недельку!.. – возмутились женщины. – И мать у тебя еще крепкая! Вот и приглядят друг за дружкой, а ты поезжай!..

Блондин сидел молча, подперев голову рукой. Его потупленный взгляд заставлял Нину Степановну сладко замирать сердцем: вот ведь сидит, бедняга, ждет решения своей участи... Даже не смотрит на нее, как и положено мужику, а внутри, небось, каждая жилка дрожит! От нее зависит, будет ли он счастлив или тяжело разочарован... А что, взять да и съездить. Прокатиться вдвоем в далекие края, может, после этого у нее вся жизнь изменится. Настюша поймет. Как-нибудь просидят недельку с бабкой, ничего с ними не случится.

7

Занятия в шестом «Б» благополучно продолжались. Теперь в свою лодочку, призванную переплыть океан, Коля садился уже не один – вслед за ним прыгали пятеро матросов, его команда, переживающая за исход плавания не меньше его самого. В команду входили похожая на синичку Настя, сероглазый Арсений, простодушная Кристина с заячьей косинкой в глазах и Юля, аккуратная умница с первой парты. Еще лопоухий Егор, кормилец и покровитель кошек, хотя о нем разговор особый... Эти ребята были готовы за своим учителем в огонь и в воду. Коля про себя называл их: единомышленники.

Однако не все в классе желали лодке счастливого плавания. Из среднестатистического большинства выделились еще две условных группки по несколько человек в каждой. Вторую группку Коля называл анархистами: это была склонная к мелкому хулиганству вольница, всегда занимавшие задние столы. Именно они на первом занятии разливали по стаканам минералку, чем невольно помогли в объяснении важнейшего принципа Божьего Троиства. Впоследствии анархисты попробовали принести на урок еще и пива, но тут оказалось, что терпение учителя не безгранично: поклонники Невско-Клинской империи получили замечание в дневник. После этого они на конфликт уже не нарывались, а свои темные делишки, вроде телефонных игр или списыванья домашних работ, производили втихую. Коля смотрел на это сквозь пальцы. Временами он замечал, как тот или иной анархист, случайно увлекшись, с открытым ртом слушает его рассказ.

Гораздо серьезнее обстояло дело с последней группкой, которую Коля определил для себя как гностиков. Это, может быть, чересчур сильное название происходило от секты древних еретиков, смешивавших добро со злом, молитвы – с заклинаниями, поиск истины – с почтительным отношением к нечистой силе. Хотели быть и Богу свечкой, и черту кочергой. Именно гностики, что в переводе означает «посвященные», породили когда-то эзотерику: науку о тайном знании, теорию чародейства.

Лидером этой группки был Яша, интеллектуальный мальчик в очках, удивительно похожий на Гарри Поттера. Его поддерживали две сестры-погодки, Дина и Рина. Сперва все трое внимательно слушали учителя, а после бросались в бой – оспаривать его слова. Причем Яша использовал в основном дедукцию, а сестры индукцию, преломляемую ими в фатальность жизни как таковой:

– Медитация помогает снять внутренние зажимы, – говорил Яша в тот день, когда речь шла об опасности любых видов зомбирования.

– Именно в таком состоянии легче всего проходит энергетический вампиризм, – парировал Коля, – медитирующий человек позволяет проникать в себя чуждым силам, подчиняющим его внутреннее «я».

– Гороскопы сбываются! – кричали в другой раз Дина и Рина. – Вот наша старшая сестра рассказывала такой случай: одной девушке по гороскопу выпала перемена судьбы. И через пять минут предсказание сбылось: эту девушку выгнали с работы! А вы говорите...

И Коля объяснял, что управляющая гороскопом сила постепенно приобретает власть над тем, кто к ней обращается. Оттого ее предсказания могут сбыться. А перестань человек верить в гороскопы, и звезды уже не имеют над ним власти; все опять зависит от человеческой воли...

В общем, шестиклассники придерживались разных взглядов: они отражали собой идеологическую палитру взрослых. Что касается гностиков, Коля радовался уже тому, что они шли на контакт, хотя бы и в форме протеста. Он подробно разбирал каждое их возражение – они выслушивали, обдумывали, снова возражали. Между тем единомышленники рвались поддержать учителя: лучше всего это получалось у вдумчивого Арсения, или у смышленной Насти, или у Юли, коньком которой была четкая, почти математическая логика. Случалось и так, что

в дискуссию втягивался кто-нибудь из аморфного большинства, представляющего основную часть класса.

Таким образом, на уроках звучали споры, в которых, давно известно, рождается истина. А как сказал один из любимых Колей священников, оптинский новомученик иеромонах Василий: «Всякий, ищущий истину, найдет Бога».

Споры с гностами требовали напряженного внимания. И все-таки главной проблемой учителя стали не они, а, как ни странно, лопоухий Егор. Вот уж словно про него сказано: простота хуже воровства! Егор имел привычку произносить вслух разные вещи, косвенно касающиеся темы занятия, и задавать вопросы, выбивающие урок из колеи. Делал он это вполне чистосердечно, не понимая, что эмоции положено сдерживать. Пришла мысль – высказывает, всплыло что-то непонятное – задает вопрос, да еще такой, от которого класс потом долго не придет в себя. Того, что он может мешать учителю, Егор в принципе не допускал, поскольку сам знал свои намерения как добрые. Эта непосредственность Колю обезоруживала, особенно в сочетании с тем, что из-за небольшого роста и отрешенного выражения лица паренек смотрелся в классе не как полноценный ученик, а скорее как чей-то младший брат. Возможно, он действительно отставал в развитии.

– А правда, что когда ведьма умирает, она должна отдать кому-нибудь свое колдовство? – вдруг ни с того ни с сего раздавался в классе его задумчивый голос.

– Ну какая ведьма, Егор! Мы же о другом сейчас говорим...

Но тот уже снова возглашал, глядя перед собой широко раскрытыми, взыскующими истины глазами:

– Ведьма не может помереть просто так: будет мучиться, пока к ней кто-то не подойдет...

А тогда она его самого сделает ведьмой или колдуном... этого человека...

– Тебя!!! – с наслаждением заорали анархисты с последних столов.

Как ни привык народ к Егору, совсем не реагировать на его выходки шестиклассники не могли. Класс грохнул хохотом. Однако вопрос о ведьмах обрел неожиданную поддержку в лице гностика Яши:

– Между прочим, это все так и есть. Это они свой дар перед смертью передают, чаще всего родственникам. Оттого и бывают целые династии колдунов. Но если родственника нет поблизости, могут отдать чужому.

– А на хрен вообще отдавать? – крикнули анархисты.

– Они без этого помереть не могут. Без того, чтобы их дар не остался в мире.

– А что это за дар, Николай Дмитриевич? – спросили сразу в нескольких местах класса.

– Умение колдовать, – ответил Коля. – Честно говоря, я и сам не знаю, почему его называют даром. Ведь дар, подарок – всегда бесплатный. А тут скорее сделка: нечистая сила дает умение колдовать, а взамен получает власть над душой человека. Умрет такой человек – она сможет забрать его душу в ад.

– Значит, этот дар – от нечистой силы?! – подвел итог Арсений.

– От кого же еще? Исцелять силой Бога могут только святые, то есть люди настолько праведные, что кандидатуры всех наших целителей сами собой отпадают.

– Почему?

– Потому что святые бескорыстны и, кроме того, скромны. Они не допускают никакой рекламы; наоборот, те, кто ждет от них помощи, вынуждены их разыскивать. И святые всегда отрицали свое участие в исцелении, говоря, что чудо совершил Бог.

– А это взаправду так? – простодушно спросила Кристина, девочка с небольшой заячьей косинкой в глазах, недавно переехавшая в Москву из деревни.

– Конечно, Бог, но по молитвам святых. Что же касается колдовства, то этот так называемый дар, естественно, не от Бога. И не от людей, потому что люди дать такого не могут, – разве что передать, как мы сейчас слышали. Значит, методом исключения остается дьявол.

– А силы природы?.. – начал было Яша, но не успел Коля ответить, что природа не лечит *сверхъестественным* образом, как его вновь перебил голос Егора:

– Вот у бабушки в деревне одна тетка ведьмой была... Долго мучилась перед смертью и все просила: подойдите ко мне, возьмите! А подходить все боялся, а она помереть не может. Тогда над ней разобрали потолочину, чтоб она все свое на ветер выпустила... И она выпустила, и тогда только померла.

После этих слов в классе с минуту держалась пауза.

– Жалко, – сказала наконец Дина. – Столько ценных знаний на ветер... Я бы, например, подошла к ней и взяла!

– И я, – поддакнула Рина.

– Да вы что, дуры, что ли? – выразительно зашептали сестрам из группы «единомышленников».

В классе поднялся шум: дискуссия явно была готова перейти в перебранку, а то и в потасовку. Уже поднаторевший на учительском поприще Коля приготовился гаркнуть так, чтобы все немедленно замолчали. Но он не успел: без разрешения встав с места, к учительскому столу медленно подходила «синичка» Настя, бледная, с застывшим в глазах страданием. Она шевелила губами, как рыба, сдернутая с крючка. А может, ее просто не было слышно в том гвалте, который поднялся в классе, – ведь Коля упустил момент гаркнуть. Школьный шум, он вроде пожара: не погасишь сразу, взметнется к потолку.

– Что с тобой, Настя? Тебе нехорошо?

Она слабо отмахнулась рукой – мол, не в том дело, и продолжала неслышно шевелить губами. Тогда он склонился к ней ближе и разобрал:

– ... можно перестать?

– Что перестать? – сразу не понял Коля.

– ...заниматься колдовством...

Наверно, следовало сперва усадить ее на место, прекратить шум в классе, открыть окно, чтобы Настю обвеяло свежим воздухом. Но он, увлеченный неоучитель и еще неопытный в жизни человек, предпочел сначала ответить:

– Перестать надо как можно скорее, иначе злая сила настолько глубоко войдет в душу, что уже ее не отпустит. Вот даже умереть по-человечески не даст, как рассказал нам Егор.

– А это все... правда? – на выдохе спросила «синичка».

– Нет дыма без огня: в народе упорно верят, что ведьма не может умереть, пока не передаст свое колдовство. Учение Церкви с этим не спорит.

Настино лицо побелело еще больше, и вся ее небольшая фигурка стала оседать на пол. Коля едва успел подхватить девчушку, неожиданно потерявшую сознание.

– Вараковой плохо! – закричали в классе. – Сходите за медсестрой!

Так неожиданно закончился в шестом «Б» очередной урок духовной культуры.

8

Вот уже несколько дней Вика жила у Захарки, или, если угодно, Захара Феликсовича. Ей самой было странно, что она все-таки оказалась под его, так сказать, гостеприимным кровом. С одной стороны, это объяснялось стечением обстоятельств, с другой – кто знает? Возможно, подсуетился сам Захарка. Если он сумел организовать увольнение Вики с работы, так и тут, глядишь, без него не обошлось...

На первый взгляд ничего особенного не случилось. Квартирная хозяйка давно поговаривала о том, что хорошо бы оплатить помещение за все лето, на три месяца вперед. Вика тянула, зная, что никаких решительных мер Серафима все равно не предпримет: какой смысл при отсутствии лучших предложений выселять проверенную временем жилищу, которая не скандалит, не портит вещей, аккуратно платит помесечно? Но, видно, эти лучшие предложения все-таки поступили, потому что хозяйка поставила Вике ультиматум: оплачивай лето, либо вовсе съезжай. На раздумья она дала две недели.

Именно в это время Вика стала жить как зверь, восстанавливающий силы после болезни или долгой спячки. Наверное, тут крылись свои психологические причины, да и физиологические тоже. В первый раз за долгий период Вика не ходила на работу – должно быть, ее организм решил, что настало время отдыхать, приходить в себя. На Вику напал прямо-таки волчий аппетит: она то и дело выбегала из дома за покупками, а потом дрожащими от нетерпенья руками разворачивала семгу, ветчину, пирожные, не имея терпения дожидаться, пока вскипит чайник. После еды ее тянуло отдохнуть, а через некоторое время все повторялось сначала. Может быть, организм и восстанавливался, но вот деньги из бледно-сиреневого конверта такой способности не имели. Они исчезали с поразительной быстротой.

И в довершение всего Вика разленилась. Ей следовало искать новую работу, а она вместо этого отдыхала, потягивалась, резала бутерброды. Даже самой было удивительно: что же это я? Не первый день, кажется, живу на свете, знаю, что все мои промахи, ошибки, неправильные решения меня же потом и придавят. Это в детстве можно было рассчитывать на жалость папы и мамы, и бабушки в придачу. А взрослый человек сам за все расплачивается, да еще как круто порой!.. Проколешься на копейку, а судьба потребует с тебя штраф в сто зеленых.

Потом эта сонно-едовая, безвольно-леностная болезнь вдруг как-то сразу прошла, словно отрубили. Очнувшаяся Вика заглянула в кошелек, потом в бледно-сиреневый конверт, посчитала дни, оставшиеся до истечения хозяйкиного ультиматума... И отправилась по уже знакомому ей адресу.

Захарка воспринял ее приход без видимого злорадства. Со стороны все выглядело так, словно радушный родственник встречает иногороднюю племянницу, приехавшую поступать в столичный институт. Он гостеприимно раскрыл дверь во вторую комнату:

– Теперь это твои апартаменты. Располагайся!

Потом была экскурсия на кухню, где Вике отныне предстояло проводить много времени. Захарка показал, где что лежит, какие есть бытовые приборы и какой запас продуктов имеется в наличии. Надо сказать, для холостяка, одержимого идеей собирать чужие импульсы, этот запас оказался вполне приличным. Подумал он также и о том, чтобы приобрести хорошенький кухонный фартук с оборочкой – голубой, под цвет Викиных глаз. Значит, действительно не сомневался, что в его холостяцкой кухне появится молоденькая хозяйка...

Всякий измученный человек чувствует потребность расслабиться: Вике уже и самой начинало казаться, что она дома, что рядом свой человек. Захарке отлично давалась роль заботливого дядюшки. Даже разговор о пресловутых импульсах он повел так, словно Вика все еще была маленькой девочкой:

– Знаешь сказку Гауфа «Карлик Нос»? Помнишь, там действует фея по имени Кройтервайс, – старуха, которая живет на земле сотни лет?

– Вроде что-то припоминаю, – неопределенно отозвалась Вика.

– Кройтервайс в переводе – «фея белого тумана». Ей служат белки, собачки, морские свинки. В действительности... – он слегка покосился на Вику, – все это люди, но заколдованные.

– Вот как...

– Да. Они ловят для нее пылинки света, из которого пекут старухе хлеб.

– Почему из пылинок?

– Потому что она беззубая и ничего другого не ест... С сегодняшнего дня ты тоже начнешь ловить для меня пылинки.

Вика взглянула на его рот: вроде бы с зубами у него все в порядке...

– Не солнечные, – проследив ее взгляд, уточнил Захарка. – Знаешь, какие? Энергетические!

– Я не умею, – вздохнула Вика.

– Я уже говорил, тебе ничего не надо уметь. Варенье кипит – пенка набегаёт, упадет камень в воду – от него пойдут круги. Так же и человек: уже самым своим существованием он вырабатывает определенную ауру, слой энергии, располагающийся вокруг его личности. Кстати, этот слой можно сфотографировать в инфракрасном излучении, сейчас уже научились. На таких фотографиях он выходит светящимся... Так что ты просто живи, а я буду время от времени снимать пенки с твоего варенья, – закончил разболтавшийся Захар.

– И ради этого столько хлопот?

– Это очень важно. Твоя энергетика – строительный материал для моей работы... А незаметно брать я, признаться, не научился.

– Как это – незаметно?

– Ну, иной в толпе погуляет, и уже полон чужой энергии. Многие люди не умеют ее беречь, так что у них легко заимствовать... А вот я так не могу, – вздохнул Захарка, словно признаваясь в некоем изъяне. – Мне нужно, чтобы в соответствующей обстановке...

После ужина, без проблем приготовленного Викой, они провели первый сеанс «снятия пенки». Захар велел ей лечь на диван и расслабиться:

– Ни одна мышца в твоем теле не должна быть напряжена. Знаешь, почему в народе при встрече с колдуном принято складывать кукиши? Потому что при этом руки становятся твердыми, жилы натянуты, и весь человек скручен, напряжен, иначе говоря, готов к отпору. В таком состоянии трудно на него воздействовать...

– Разве есть связь между колдовством и тем, что мы сейчас собираемся делать? – спросила Вика.

– А ты думала! – Захарка был доволен, что добился своего и теперь может добродушно поучать эту глупенькую девчонку. – В обоих случаях необходимо вырубить человека как волевою единицу, чтобы не оказывал внутреннего сопротивления. Превратить его на время в зомби. Может быть, ты знаешь, что и при гипнозе, и на сеансах целителей, вообще при всяких экстрасенсорных опытах объект первым делом усаживают в мягкое кресло, предлагают расслабиться. Так его волю легче подавить...

Он толковал вполне самодовольно, не думая, что «объекту», которым собираются управлять, это может быть не очень приятно. Но ведь Вика теперь зависела от хозяина со всеми потрохами, и волей тоже...

– Твое состояние во время сеанса должно быть сродни медитации. Главный принцип – внутренняя открытость. Не думай ни о чем целенаправленно, пусть твои мысли скользят, колышутся наподобие волн морских, – говорил Захарка. – Тогда мне будет легко взять твои

импульсы. Как пенки шумовкой – р-раз! – и поверхность варенья чистая. А знаешь, какое это будет варенье?

– Какое? – машинально повторила она.

– Клубничное! – Он сморщил нос и облизнулся, показывая своей мимикой вспышку удовольствия. – Я люблю клубничку...

Вечером Вика старалась впасть в состояние внутренней невесомости: ни о чем не думать, ничего не желать, не пропускать своих впечатлений глубже поверхностного восприятия. Сначала не получалось, потом подошел Захарка и стал водить над ее лбом руками. Через какое-то время (пять минут или через час с лишним?) она ощутила результат: ее тело как будто утратило свою плотность, а голова стала пустой и звонкой, наподобие выдолбленной арбузной корки. Теперь она была свободна от всего и готова к любым ощущениям, которым вздумается на нее нахлынуть. Ей даже показалось, что она различает какие-то неясные отдаленные шумы, вздохи и шепоты. Конечно, это был психологический эффект, – дескать, вступаю в контакт с космосом, – но кто может сказать наверняка? Интереснее было думать, что Вику приняли в свой хоровод души таких же, временно оторвавшихся от своей личности, медитаторов. Или олицетворенные силы природы, когда-то обожествлявшиеся древними людьми, – ветер, например, или звезды, о которых толковала в супермаркете Эльвира?

Очнувшись потом на диване, Вика была полна отголосков всего того, что набрала в своих непонятных странствиях – по иным мирам?.. А когда она захотела встать, у нее первый раз в жизни закружилась голова...

Захарка был доволен.

– Теперь я могу что-то делать, потому что у меня есть материал: невидимые кирпичики для моей постройки!

Из этих невидимых кирпичиков он возводил кое-что вполне видимое. На столе в большой комнате располагалась, как называла для себя Вика, пещера Гингема: металлическая конструкция перевернутой пятиконечной звезды рожками вверх, стеклянная колба, брошюры по эзотерике, звездные карты и, за неимением древней чаши, простая салатница с водой. Ну ладно вода: ее можно заряжать энергией, об этом даже Вика слышала. Но зачем, например, часто и подолгу смотреть внутрь стеклянной колбы, когда там очевидная пустота?

– Видишь ли, дорогая, – рассуждал Захарка, подметив ее косой взгляд на «пещеру», – в магию ведут разные пути. Потомственной ведьме, будь она простой деревенской бабкой, тайна открыта изначально. Но и эти бабки используют для колдовства разные предметы, то есть превращают магическую суть в материальную форму... Что же говорить обо мне, идущем теоретическим путем? Без символики никуда...

Его объяснения были скорее рассуждениями вслух, Вика в них мало что понимала. На «пещеру» она смотрела по-прежнему с неприязнью: символика символикой, а вот не нравилась она ей, и все. Гингема как таковая с детства внушала Вике мистический ужас, после того, как она увидела колдунью на картинке в книге «Волшебник Изумрудного города».

Надо сказать, что в области быта они с Захаркой неплохо уживались. Он не сорил где попало, как некоторые мужики, хвалил ее кулинарию, не требовал в области быта ничего особенного. Иногда спрашивал – надо ли сходить в магазин? Но Вика редко пользовалась этими предложениями, потому что сама любила уходить из дома на улицу. Там во всех смыслах легче было дышать. На улице все становилось на свои места: она была нормальной девушкой, на которую прохожие смотрели без подозрений, не представляя себе, что на самом деле рядом с ними – донор импульсов. Здесь не было колдовской «пещеры», над которой упорно склонялась полысевшая от всякой лжемудрости башка Захара: картина, которая постепенно начала вызывать у Вики тоску.

Итак, ее тянуло на свежий воздух. Недостатка в свободном времени она теперь не испытывала, так что могла запросто гулять по рынкам и распродажам, в парках и во всяких инте-

ресных местах. Однажды зашла в церковь: проходила мимо и вдруг вспомнила, как однажды в детстве бабушка надела ей чистое платице, повязала голову белым в крапинку платочком и повела на церковную службу. Маленькой Вике запомнились огоньки свечей, блестящие столбики низеньких оград возле мраморных ступеней, большие иконы, золотая одежда батюшки... И все это – сквозь колышущиеся концы платочка, которые ей нравилось теребить перед глазами, чтобы они качались, как зайкины ушки...

Теперь, в двадцать лет, церковь больше всего удивила Вику находящимися внутри людьми: это были не одни старушки и даже не одни женщины, как она запомнила с детства.

Представители сильного пола порой совершали здесь действия, для Вики совсем непривычные. Например, один интересный с виду парень клал на коленях поклоны, другой ушел за перегородку и вернулся в надетом поверх костюма холщовом балахоне, из-под которого островками цивилизации темнели манжеты брюк и вполне современные ботинки. Он оказался церковным прислужником, так что балахон, выходит, был для него вроде униформы. Два еще не старых бородатых дяденьки, обрадовавшись встрече, поцеловались друг с другом плечо в плечо. Тот его в плечо, и этот в плечо! С ума сойти, что за эпоха Ивана Грозного...

Ну, а главные действия происходили здесь за внутренними дверями, которые назывались *АЛТАРЬ*. Точнее, как поняла Вика из разговоров стоящих рядом старушек, алтарем было то, что находилось внутри. В самые торжественные моменты высокие резные двери открывались, и можно было видеть полукруглую комнату, обставленную таинственными предметами.

Оттуда выносили то тяжелую, инкрустированную золотом книгу, то золотую чашу на высокой ножке, то опять же золотой крест. Священник произносил не вполне понятные для Вики слова, прислужник помахивал дрожащей на трех цепях резной коробочкой, напоминающей по форме уменьшенный детский волчок. Посередине у нее находился разрез, откуда выползал сладкий пахучий дым, расплзающийся струйками во все стороны.

В такие минуты все замирали, наклонив головы: казалось, они ждут, чтобы сверху на них сошел тот золотой свет, которым сияли крест, и чаша, и книга. Вика сама попадала в общую струю: ее голова, стянутая купленной за свечным ящиком голубой косынкой, с той же готовностью склонялась под золотые лучи и непонятные слова священника. А потом возникало чувство, будто вся она осыпана невесомой золотой пылью, как та, что дрожит весной на цветущей иве...

– Где ты сегодня была? – спросил ее по возвращению Захарка, поднимая голову от очередной звездной карты. У Вики враз упало настроение: попробуйте-ка после воспаряющих ароматов, света и золота уткнуться лбом в территорию Гингема. Ей даже показалось, что от пустой стеклянной колбы пахнет какой-то гнилью. Но это уж пусть думает Захарка – она моет только обычную посуду, после еды...

– Так где ты была?

Вике хотелось в будущем еще почувствовать на себе золотую пыльцу, поэтому она промычала в ответ что-то неопределенное. Дескать, гуляла по улицам, заходила в магазины, ну и во всякие здания, которые встречались по дороге.

Но Захарка сам узнал правду вечером, после обычной процедуры снятия пенек.

– Сегодня твои импульсы намного богаче, – констатировал он. – Подозреваю, что ты набрала их в церкви.

Вика ждала разноса, но хозяин, похоже, раздумывал...

– Если так пойдет, я достигну своей цели еще раньше, чем предполагал...

– Разве для тебя не важно, где я собираю эмоции? – удивилась Вика. – Тебе не мешает, что богатство моих импульсов – из церкви?

– В какой-то мере мешает, но я использую накопленное тобой, как мне надо. Возьму твою добрую, красивую энергетику и переделаю ее в подходящий для дела материал. Иногда экстрасенсы касаются икон руками, не видела? Для чего, как ты думаешь, они это делают?

– Наверное, для того, чтобы стать сильнее.

– Правильно. Но чем шарить руками, они могли бы в открытую попросить у Бога силы или чего еще там им надо. Просто помолиться, наподобие всех верующих. Почему, как ты думаешь, они так не поступают?

И, поскольку Вика ответить не могла, закончил сам:

– Потому что их деятельность идет вразрез с тем, чего хочет от человека Бог. Так же как и моя. Нельзя договориться, понимаешь?

Вике вдруг вспомнилась бабушка, с которой они когда-то ходили в церковь, и ее слова: «С Богом не договариваются. У Бога просят».

– Ну, в данном случае это все равно. Не цепляйся к словам, – мимоходом заметил он. – Суть такова: мой жизненный выбор несовместим с тем, чтобы получать помощь от Бога. Значит, такие, как я, могут пользоваться церковной энергией не напрямую, а, как говорится, с черного хода. В данном случае через тебя.

– Значит, ты согласен, чтобы я ходила в церковь?

– У меня есть одно условие...

И хозяин сказал, что она может получать в церкви эстетические и вообще всякие впечатления, но не должна участвовать в том, что там происходит. То есть со стороны – пожалуйста, а вот чтобы сама – ни-ни!

– Молиться, что ли, нельзя? – уточнила Вика.

– Только для виду. Если станешь делать это по-настоящему, я непременно узнаю, и у тебя будут проблемы. Говорю серьезно, поняла?

– Ладно-ладно, – согласилась Вика, довольная уже тем, что можно получать «эстетические и вообще всякие впечатления». – Я и молиться-то, кстати, не умею. Бабушка когда-то учила меня, но она скоро умерла. Так что ты можешь не беспокоиться. Вот только знаешь что...

Расслабившийся было Захарка вновь поднял на нее свои выпуклые глянцево-черешневые глаза.

– Может, если бы я когда-нибудь помолилась, мои импульсы стали бы еще богаче? Совсем богатыми, а?

Он раздраженно хлопнул себя ладонями по бокам:

– Опять двадцать пять! Нет, дорогая моя, в таком случае все будет иначе. Я уже не смогу распоряжаться твоими богатыми импульсами по своему усмотрению, поскольку в них появится некий разрушительный для моей деятельности заряд.

– Почему же его нет сейчас? – спросила Вика.

– Я уже сказал, почему. Сейчас твой внутренний мир пассивен, а начнешь молиться, он станет качественно иным. В результате я вообще не смогу добыть твоих импульсов, какими бы насыщенными они ни были!

Он выдержал паузу и продолжал нарочито спокойным тоном:

– Что же касается тебя, то ты потеряешь кров и средства к существованию. Помнишь, чем ты думала заниматься в случае, если окажешься на улице? Кажется, бутылки собирать?..

Вика вспыхнула и отвернулась. Умеет же он ужалить, змей подколотый! Она просто так спросила, даже не думала пробовать эти запрещенные им средства – молитву, участие в церковной службе... Просто спросила, а он уже сыплет соль на ее не успевшие зажить раны...

– И учти: если что, я обо всем узнаю, – подытожил Захар. – Меня невозможно обмануть. Да и нехорошо было бы, – прибавил он более мягким голосом. – Ведь я свои обязательства выполняю: комнату предоставил, деньги на хозяйство даю и как женщину пальцем тебя не тронул...

Да, это было правдой. Но Вике вдруг вспомнилось его недавние слова: «клубничка», «варенье люблю клубничное». Плюс гримаса удовольствия, на которую она тогда не обратила внимания, а сейчас ей словно пелену с глаз сорвали. Да ведь для Захарки это два в одном:

он насыщается Викой сразу в двух направлениях, отбирая ее импульсы и занимаясь с нею, открытой в этот момент всем ветрам, виртуальным сексом. А прикидывается, хитрец, будто ничего такого...

Ей стало противно, как если бы хозяин по-настоящему полез к ней ночью в постель.

Даже еще противнее, потому что естественное всегда лучше извращенного, придуманного для того, чтобы поправить законы естества. Но что она может сделать – девушка без средств, без собственного жилья и, главное, без воли, которую Захарка уже успел, кажется, поработить? Во всяком случае, в какой-то степени...

А тут еще у Вики стали возникать проблемы со здоровьем, которых она прежде знать не знала. Привыкла ничем не болеть и считала это в порядке вещей. А теперь то голова закружится, то в жар бросит, а иногда просто ноги подгибаются... Странно, неприятно и, главное, совсем не ко времени, потому что болеть ей ни в коем случае нельзя. Если она всерьез сляжет, это будет полная катастрофа. Ухаживать за ней некому... Вика знала, что хозяин поступит с больной помощницей не лучше, чем с отслужившей половой тряпкой, с обсосанной корочкой лимона... Выбросит на помойку, и дело с концом. Трудно, что ли, найти другую девушку, совмещающую в себе донора импульсов, объект виртуального секса и домработницу? Да с его хитростью, пронырством и знанием психологии это раз плюнуть!..

9

Домой Настя возвращалась после того, как полчаса пролежала на холодной клеенчатой кушетке в школьном медкабинете. Ей измерили давление, дали выпить какое-то остро пахнущее лекарство. Потом медсестра хотела позвонить родным, но Настя не сказала номера: бабки тут только не хватало, а мама все равно на работе. Вообще ей хотелось побыть сейчас одной. В конце концов она всех обхитрила: не пошла к воротам, где ждали ребята и, возможно, Николай Дмитриевич, а вместо этого обогнула школу, нашла в заборе дыру и спустилась на улицу совсем с другой стороны. Ей нужно обдумать свои дела – ведь горе, свалившее ее в обморок, не исчезло после того, как она очнулась. Обморок-то прошел, а вот горе никуда не делось.

Настя и раньше чувствовала, что свернуть бабушку с колдовской дороги будет ох как непросто! То самое, что сидит в ржавых гвоздях, в лоскутках под ее подушкой, в обычной воде, которую она по временам молча наливает в миску, – все это засело также и в бабушкиной уже несвободной душе. Колдовство. Даже если человек захочет от него избавиться, оно его так просто не отпустит. Но все-таки остается шанс, если кто-то очень захочет, если окружающие будут помогать ему делом и словом, и, конечно, молитвой...

Недавно в их дворе были похороны: разбился на мотоцикле молодой парень, один из тех, что шумели у них под окнами. Страшно подумать, но это, возможно, сделали с детства знакомые Насте ржавые гвозди... А у соседки Матвеевны после бабкиного лечения поехала крыша – недавно в психушку увезли...

Настя шла, опустив голову, в такт шагам покручивая сумку на длинном ремне. Она любит бабушку и ненавидит колдовство, но их, выходит, нельзя разделить друг от друга. А когда придет время умирать, колдовство должно перейти по наследству... Кому именно? Выходит, что либо маме, либо ей самой...

Прохожие с удивлением смотрели на девочку, ни с того ни с сего остановившуюся посреди дороги. Зажмурившись, она так отчаянно трясла головой, что прядки блестящих темных волос высыпались из-под заколки и мотались во все стороны. Чуть не налетевший на нее с ходу дяденька расслышал, как она чуть слышно шептала: «Нет, ни за что...» Но когда он спросил, в чем дело, девочка словно очнулась, смутилась и пошла дальше.

Дома слышался разговор и звенели чашки: у бабушки в гостях была Сима из деревни Мокшаны, откуда происходит корень их общего рода. И сама Настя там родилась, только ничего не помнит об этом. Они с мамой перебрались в Москву десять лет назад, когда ей было годика полтора, и вскоре к ним приехала бабушка. А тетя Сима переселилась сама по себе, когда именно, Насте неизвестно.

– Что ж, Нинушка хорошо живет? – спрашивала она теперь, потягивая из чашки чай. Вопрос был задан специально, чтобы угодить хозяйке: бабушка ведь только и ждет, чтобы ее об этом спросили.

– Живет, как собачий хвост – оторвали от кобеля да бросили! – с надрывом отвечала она. – Как ветка, градом побитая... Нормальный мужик резину тянет, а которые рады в дом, те все голяки да пьяницы! Вот и робит Нинка одна в семье, а много ли проку? Сама гляди: из нищеты не вылезаем...

– Да тетенька, как же... чего ж она вас не попросит... – пустилась в причитания Сима. – Насчет мужика-то... Неуж не помогли бы родной-то дочери?

«И это нарочно спросила», – со злостью подумала Настя, стоя за стенкой в кухне, куда ее послали заварить чай.

– Не трави душу! – крикнула бабка. – Десять лет, как разошлись они с Наськиным отцом, все об одном твержу. И есть ведь один – я сама карты кинула – неплохой будто, в цеху началь-

ник! Дурехе моей нравится, а она ему. Дай, говорю, я так сделаю, что семью оставить не побойтись, на коленках к тебе приползет! «Не смейте, мама», – вот тебе и весь сказ.

– Да, упрямая Нинушка, упрямая, – в чашку с чаем вздохнула гостья. – Чего уж нос воротить: не пятнадцать ей лет, чтобы в любовь играть!.. ждуть, когда черемуха зацветет!..

– А я о чем говорю!

– Но коль она своей пользы не понимает...

– Думала я об этом, – тотчас откликнулась бабка. – Да просто так, на голом месте, туго. Иное дело, если б она мне вещицу его какую принесла, либо карточку... на работе, поди, и карточки есть...

– А так, безо всякого, не выйдет?

– Может, и так бы вышло, – раздумчиво сказала бабка. – Кабы она мне встречу не портила. Все своим норовом мешает, увидит, что я взялась, и сейчас про себя твердит: «Нет, не хочу, на надо мне!» Что тут будешь делать...

Помолчали. Гостья вздыхала из приличия, выжидая момента заговорить о своем деле, ради которого пришла. Слушающей за стенкой Насте эти вздохи казались похожи на лошадиное фырканье.

– Ну а у тебя, милка, чего стряслось? – спросила наконец бабка.

– Помнишь, тетенька, ты мне квартиру отсудить помогла? Когда я с мужиком своим разводилась? – зачастила Сима, торопясь скорее все выложить. – Так вот я эту квартиру сдавала, вначале только комнату, а после всю. Сама на даче жила, зато денежки!

– И почему сдавала? – живо заинтересовалась бабка.

В это время в руках у Насти звякнула крышка чайника, и она не расслышала ответ. Но вслед за тем бабка завистливо причмокнула:

– Хорошо устроилась, милка!

– Хорошо, тетенька! А теперь по глупости моей все пропало. Жилица – девка молодая, приезжая, из себя фу-ты нуты. Зарабатывала где-то и мне платила. А тут лето на носу, может, думаю, она куда отдыхать поедет... вот и спросила с нее деньги вперед. Да еще мне звонили, уговаривали...

– погоди, – перебила бабка. – Чего горохом сыплешь, не пойму я. Кто тебе звонил? Об чем условились?

– Деньги сулили, тетенька, за квартиру. Больше, чем от жилицы моей. Человек с голосу солидный, не думала, что так меня подведет...

– Посулил деньги, а сам в воду канул?

– Во-во! Канул, тетенька. Теперь о нем ни слуху ни духу, а девку свою, Вику, я уж с квартиры согнала... вот и стоит квартира пустая безо всякой пользы...

– Так снова сдай, только и делов!

– Боюсь, тетенька, – опять вздохнула, словно фыркнула, Сима. – Кому попало сейчас не сдайшь, не то тебе же рыло начистят да с лестницы спустят, чтоб больше не приходила. Мне б желательно снова Вику поселить. Девка аккуратная, платить будет исправно...

– Гм, желательно... Ну так от меня-то ты чего хочешь? – спросила бабка.

– Найти, тетенька. Как съехала она, никаких следов не осталось. Разыщи Вику, в ножки тебе поклонюсь!

Бабка всплеснула руками:

– С ума сошла, милка! Как же я тебе безо всякой зацепки человека в Москве найду? Это ж все равно что иголка в стогу сена!

За стеной прошелестел целлофановый пакет.

– А я уж знала, тетенька, что тебе зацепка требуется. Какая-нибудь ее вещица. Только я всю квартиру перерыла, нигде ничего! Говорю ж – девка аккуратная. А все ж нашла. Волосики она свои оставила, на гребенке забыла. Гляди, как намотались, колечком...

За стеной с минуту молчали.

– Можно попробовать, – наконец решила бабка. – Ну-ка, кипяток остыл? Сейчас налью в миску, и бросай туда ее кудель. – Стало слышно, как льется вода и вслед за тем – неразличимое бабкино бормотание.

Через минуту она заговорила своим обычным голосом:

– Гляди, куда плывет? Ох-те-те – к востоку!

– Это что ж она, на восток, выходит, уехала? – огорчилась Сима.

– Ничего-то ты, невежа, не смыслишь. Восток – это где солнце встает и все, значит, светлое. В церкви сейчас твоя Вика, да не раз зашла, а часто бывает: эх ее волосы к востоку крутит!

– Где ж та церковь, тетенька? – жалобно зазвучал голос гостыи. – Ведь их много теперь пооткрывали. Ужели мне все по череду обходить?

Бабка засмеялась хриплым квохчущим смехом:

– Не находишься, пожалуй! Где та церковь – это другое гаданье надо, за денежки. Вот погоди, выпьем еще по чашке, и сделаю...

Прилипшая к стенке Настя словно очнулась. Чего она ждала, на что еще надеялась, слушая этот разговор? Все будет как всегда. У бабки нет никакого шанса вылезти из этой ямы под названием колдовство, потому что бабка сама этого не хочет.

Настя взяла чайник со свежесваренным чаем, внесла его в комнату и грохнула на табуретку рядом со столом, где плавало в миске колечко светло-золотистых волос. А сама выбежала на улицу, хлопнув дверью.

10

Командировка была уже решена, вот только срок ее пока оставался неизвестен. В любой момент могло оказаться, что завтра с утра Нина Степановна должна идти не на фабрику, а на вокзал, где ее будет ждать спутник, попутчик, начальник... Как хочешь назови, сердце само знает, о ком речь, и сладко мрет под сатиновым халатом. Надо к отъезду хоть кофточку новую купить, а еще укладку соорудить в парикмахерской. В первый раз за долгие годы Нина Степановна сделает что-то для себя, а не для Настюши и не для матери...

Жизнь ее никогда особенно не баловала, только вот дочку дала, кровиночку, единственную до последнего времени радость и надежду. Мать – ой, там дело темное... В Мокшанах говорили, будто старуха отправила на тот свет Нининого отца, когда сама Нина только еще закончила восьмилетку и уехала в район узнавать насчет девятого класса. Когда она вернулась, то была уже сиротой: отец упал в омшаник и сломал хребет о деревянную перекладину. Соседки потом дули в уши, что дело вышло неспроста: якобы это мать наворожила отцу погибель, отомстив за то, что на сторону стал поглядывать. Правда ли, нет, кто проверит, а похоже на правду... Оттого Нина и со своим мужем, Настюшиным отцом, разошлась сразу, как только начались у них первые нелады. От греха подальше: если бы с ним что случилось, она б себе вовек не простила. А с матери, глядишь, станется...

Из-за матери и из Мокшан пришлось уехать. В деревне на них косо глядели, чуть что: вара, вара... ведьма, значит, по-мордовски. Понятно, от людей не скроешь, тем более в деревне, где все друг у дружки на виду. Но и так жить нельзя, а у Нины Настюшка маленькая росла, еще на ножки не встала. Что ж, ждать, когда подрастет да на улицу пойдет играть, а ребята ей скажут: маленькая вара, не станем с тобой водиться? Не могла Нина этого допустить. Как-то раз сгребла дочь в охапку, собрала вещички – и в путь, в Москву.

Потому и живут они сейчас в подвале, с окнами на метр от земли, что сперва она устроилась дворником. Пришлось хлебнуть лиха от злых людей: начальница зарплату ей убавляла, техник-смотритель, как останется с Ниной наедине, сейчас в угол прижмет и за пазуху к ней лезет. Но все прошло, устроилось со временем. Кроме злых людей нашлись и добрые: помогли на фабрику перейти, а жилплощадь за собой оставить. Не стали с малым дитем на улицу гнать.

А через месяц-другой пришло из Мокшан слезное письмо: «Возьми меня, доченька, к себе, все здесь на меня злобятся, помощи под старость ни от кого не жду». Нина и разжалобилась, проняло ее, дуру. Взяла мать в Москву. Стали жить втроем, и с тех самых пор поселилась в душе у Нины страшная тревога: как быть с матерью, когда той придет пора помирать? Ведь колдунья, известно дело, на тот свет не отправится, пока ворожбу свою среди людей не пристроит. Нинина бабка тоже ворожила, так перед смертью матери передала. А мать кому передаст – ей?.. Настюше?..

Вот такие страшные мысли лезли в голову Нине Степановне, пока она готовилась к отъезду: закупала продукты, гладила белье, мыла полы. А сама нет-нет да и взглянет от утюга да от ведра с водой на старуху – как она?.. Нет ли признаков какой болезни? Ведь не дай Бог, чтобы собралась старая помереть, оставшись вдвоем с Настюшей...

Но бабка выглядела неплохо, на здоровье не жаловалась. И у доченьки, слава Богу, с почками полегчало. От колыбели мается: хронический нефрит. А за последний месяц похудела, вытянулась тростинкой, глазки грустные – хоть и не почки, а что-то, видать, ее доченьку гнетет...

Однако интуиция подсказывала Нине Степановне, что заводить с Настюшей разговор по душам сейчас не время. Начни она вникать в дочкино настроение, ни в какую командировку ей вообще не уехать. Начнет клубочек раскатываться, только успевай сматывать! Будут они

с дочкой судить-рядить о жизни, и вся Нинина душа на это уйдет, блондину ни крошки не останется. А как хочется урвать на склоне бабьих лет кусочек счастья...

Ничего, утешала себя Нина Степановна, вот съездит она и приедет, тогда и с Настюшей поговорит. Ведь не на век уезжает, а неделя пролетит незаметно.

11

Недомогания, о которых Вика старалась забыть, проявлялись все более явно. Прежде всего у нее убывали силы. Даже в супермаркете, выстаивая в тувельках на шпильках по десять часов в день, она не уставала так, как теперь. А с чего, спрашивается, уставать? Живя у Захара, Вика практически ничего не делала, разве что вела несложное хозяйство на двоих. Но это не должно было утомлять до головокружения, до того, что перед глазами порой мельтешат блестящие мушки...

В церковь она продолжала ходить, соблюдая поставленное хозяином условие. Получала там эстетические впечатления и береглась, чтобы не стать участницей происходящего. Запрещала себе проникать дальше внешнего мыслью или чувством. Ведь, если что, Захар обязательно узнает, и тогда ничего хорошего не жди.

Вскоре у нее появился еще один, весьма обычный для молодой девушки интерес: в церкви на Вику стал поглядывать шустрый паренек, с виду ровесник или чуть старше. Он-то как раз участвовал в богослужении, истово крестился и шептал молитвы, иногда опускался на колени. Но в иные минуты, когда вокруг спадало напряжение службы, у него находилось время и желание кинуть взгляд на девушку в голубой косынке.

Однажды этот паренек отколол некую примечательную штуку. В воскресенье, когда в церкви собиралось много народу, Вика поискала его взглядом и не нашла. Признаться, она испытала разочарование. А минут через десять стала как-то странно подергиваться входная дверь: вроде приоткроется и опять захлопнется, приоткроется и опять... Наконец она со всего маху грохнулась о стену, так что все вздрогнули и повернули головы на звук.

Потом у двери произошло какое-то движение, и с улицы стала заходить серьезного вида детвора: чирики, как когда-то в Викиной школе старшеклассники называли ребят помладше. Они появлялись на пороге по очереди, и каждый не очень умело (Вика уже научилась это различать) крестился и кланялся. Последним вошел сам Викин герой, оказавшийся начальником этой экспедиции. Он держал за руку совсем маленького смешного чирика с зареванным лицом и оттопыренными ушами. Должно быть, лопухий взбежал на церковное крыльцо раньше всех и успел побаловаться с дверью, за что и получил выговор.

Возглавляемые своим предводителем, чирики прошли вперед. Они очень старались держать себя солидно, но из этого мало что получалось. Их наставник даже не мог улучшить момент, чтобы взглянуть на Вику, – выводок требовал его неусыпного внимания. Один из чириков чуть не опрокинул легкий церковный столик, другая прожгла рукав, потянувшись поставить свечку через уже горящие в подсвечнике огоньки. Третьей потребовалось прочесть надпись на стене, четвертая захотела узнать, какая впереди икона. Но особенно донимал наставника лопухий – вертась, словно уж на сковороде, он постоянно требовал разъяснения тому, что видел и слышал вокруг. Бедный наставник то и дело склонялся к его оттопыренному, в розовых прожилках уху, стараясь не мешать своим шепотом церковной службе.

В тот день Вика узнала, как зовут начальника экспедиции. Сзади перешептывались старушки, и одна сказала другой: «Смотри-ка, Коленька нынче цыпят своих привел!». Другая взглянула в сторону чириков и закивала. Значит, Коленька...

Прошло около месяца, и в их отношениях наметился некоторый прогресс: они теперь вместе выходили из церкви. Коленька придерживал дверь; Вика переступала порог, он догонял, и с каменного крыльца спускались голова в голову, как две запряженных парой лошади. После чего, однако, каждый следовал в свою сторону без прощального слова и жеста. По интуиции Вика знала, что ее застенчивый кавалер не знакомится с нею не потому, что не хочет, а потому, что никак не может решиться. Ей это казалось смешно: в компаниях, где до сих пор доводилась

бывать, парни запросто подходили к незнакомым девушкам со стандартной фразой: «Привет! Я Вася (Миша, Санек, Толян и так далее...) А ты мне нравишься. Пойдем покурим?».

Но здесь, видимо, были свои правила игры. Вика шла по новой стезе спокойно, весело и неторопливо (темп задавал Коленька, в соответствии со здешними правилами, а ей оставалось следовать им). И все-таки развязка должна была наступить...

В церкви закончилась вечерняя служба. Вика и Коленька, по обыкновению, парой спустились с церковного крыльца, когда во дворе навстречу им шевельнулась чья-то темная фигура. Это была тетка, по-деревенски замотанная платком, в дождевике и с раскрытым зонтиком (город недавно вступил в период «люблю грозу в начале мая»). Увидев сходящих с крыльца, она стала проявлять признаки возбуждения: взглянула из-под ладони, потом переступила на месте и, наконец, окликнула с истерической ноткой в голосе:

– Вика! Викуленька!

– Это н-не вас? – впервые разомкнул уста застенчивый Викин провожатый. Видимо, он и заикаться стал от волнения.

– Меня, – улыбнулась в ответ Вика. – Это я Викуленька.

– Очень приятно. А я Николай.

– Очень приятно, – повторила она.

К ним уже спешила женщина, размахивающая, как сигнальным флажком, наполовину сложенным зонтиком. Приглядевшись, Вика узнала свою бывшую квартирную хозяйку Серафиму. Удивительно, как она нашла Вику и, главное, зачем? Но сейчас все неожиданное, авантюрное, нарушающее заведенный ход вещей было кстати – надо же наконец растормошить чересчур деликатного Коленьку!

– Здравствуйте, – поклонилась, нырнув головой вниз, Серафима. – Вы беседуете, я вас на минутку оторву. Как же хорошо, Викуля, что я тебя встретила! Ведь ты мне своего нового адреса не оставляла...

– А в чем дело? – с прохладцей спросила Вика. Странная у нее хозяйка: сначала выдавила из квартиры, а теперь туда же, новый адрес ей нужен. Словно она жить без Вики не может...

– Возвращайся, золотце! – с воодушевлением зачастила Серафима. – Квартира стоит пустая, все вещички прежние на местах. А что я денег вперед просила, про то забудь; это так, ошибочка вышла! Будем с тобой как прежде: поживешь месяц – заплатишь.

Что за блажь вошла в хозяйкину голову, думать было некогда. Вику встревожило другое: чересчур деликатный Коленька начал подвигаться в тень, чтобы не стать случайно помехой их разговору. Вика скорее обернулась к нему:

– Как думаете, Николай: есть смысл возвращаться в свое бывшее жилье?

– Думаю, есть такой смысл, – с готовностью отозвался он. – Придешь туда, где жил раньше, и как будто встретишься с собой прежним. Можно сравнить, что убыло, что прибыло.

– Интере-есно, – протянула Вика, подумав про себя: а Коленька-то, оказывается, не так прост, за словом в карман не лезет.

– Интересно, интересно, – подхватила ничего не понявшая Серафима. – Бери вот ключи да прямо сейчас поезжай. Кавалер твой тебя проводит...

– Да что вы думаете: я, что ли, собачонка? Свистнули, и бегу?.. – начала было Вика, но сразу же прикусила язык: из всего этого могло получиться нечто действительно интересное! Если «кавалер» в самом деле поедет ее провожать, они смогут сегодня заночевать в бывшей Викиной квартире. А утром она позвонит хозяйке и под каким-нибудь благовидным предлогом вернет ключи. Ну, не вышло дело, ну, передумала – не живу больше и, само собой, не плачу. А сегодняшний день к тому времени уже будет в шляпе! Точнее, сегодняшняя ночь...

Вика взяла позванивающую связку ключей, кивнула хозяйке, слегка оторопевшей от ее скорого согласия, и пошла к троллейбусной остановке. «Кавалер», поймав взгляд, брошенный

ему через плечо, двинулся следом. Сквозь пелену вечерней дождевой дымки засветились огни троллейбуса, и оба ускорили шаг, чтобы успеть захватить его на остановке. Почти пустой салон пахнул в лицо теплом и запахом дерматиновых сидений, особо располагающих к отдыху после долгого стояния на ногах. Как-никак, всеношная длилась почти три часа...

Коленька хотел поддержать дверь для поспешавшей вслед за ними Серафимы, тоже выразившей намерение залезть в этот уютный троллейбус. Но Вика сказала: «Ей в другую сторону». Серафима не успела сесть: гармошка дверей распрямилась, едва не защелкнув ее любопытный нос.

– Нам далеко? – спросил Коленька, когда троллейбус, плавно качнувшись, вырулил на середину дороги. – Вы давно не были в той квартире, куда мы сейчас едем?

– Три месяца. Вообще-то я не москвичка: снимала жилье у хозяйки, которая к нам сейчас подходила. А вы?

– Тоже не москвич, – признался Коленька и рассказал, что закончил богословский институт, живет в тамошнем общежитии, работает учителем в школе. Ну, еще подсобным рабочим в институтской столовой, но это не каждый день... Главное, учителем. Да она, кстати, видела его учеников...

Все это всерьез огорчило Вику, уже подумывавшую о том, не посылает ли ей судьба якорь спасения. Если бы этот Коленька был москвич, имел жилье и прилично зарабатывал, стоило предпринять попытку выйти за него замуж. Сам по себе он нравился Вике и сейчас, но – учитель, общежитие... Действительно, она однажды видела его учеников, но не сообразила, что это имеет отношение к ее, Викиному, будущему. Ведь сейчас везде говорят и пишут о том, как мало получают учителя (рабочий для него не занятие: плечи нужны покругче да спина пошире, не говоря уже о манере поведения). А если к тому же нет жилья, то это вообще тупик...

Но Вика уже привыкла брать от жизни не больше и не меньше того, что жизнь ей в данном случае предлагает. Таков девиз всех девушек, пробивающих себе дорогу в столице: хватай что обломится, подымай сколько осилишь. Будут бить – терпи, рухнут планы – не распускайся, осмеют – первая смейся над собой... Но уж если прольется на тебя солнышко, то и пользуйся им всю, набирай полные ладони! Тогда уж никаких «нельзя» да «не положено»...

Одним словом, она умела приспосабливаться к обстоятельствам. Раз нельзя замуж за Коленьку – Вика это проглотит, как ни обидно, даже больно внутри. Но почему она должна отказываться от того, чтобы провести приятную ночь? Не все же ей общаться с энергетическим вампиром, можно сказать, с сексуальным извращенцем, который к тому же в дедушки ей годится! Надо когда-то и в свое удовольствие...

12

Вика не пришла ночевать, и Захар встревожился – что еще случилось с этой дурочкой? Она была ему нужна и не имела права пропасть до тех пор, пока у него не получится задуманное. Он сам удивлялся, порой с оттенком испуга, росту своих успехов после того, как нашел и приручил Вику. Не зря его словно током ударило, когда девчонка позвонила ровно в полночь, да еще назвала свое победоносное имя, свою мистическую фамилию. После этого он сказал себе: никто, как она, и добился своего. Получалось, он уже может манипулировать человеческими судьбами: вот захотел выгнать Вику с работы, чтобы вернее залучить ее к себе, и все получилось. А когда дело будет закончено, его власть над миром и вовсе окажется безграничной...

До сих пор все шло по намеченному плану, пока сегодня эта простушка не пропала. Что с ней могло случиться? Она еще не настолько истощена ежедневным «снятием пенек», чтобы падать посреди улицы и быть подобранной «скорой помощью». До этого осталось еще месяца два, если перекачивание энергии пойдет столь же скорым темпом. А вот для того, чтобы сознательно уйти от него, Вика уже не имеет достаточно воли. Человек, у которого день за днем отбирают импульсы, получает синдром зависимости: он уже не хочет ничего менять, пересматривать привычные жизненные связи. Ему бы дотащить по жизни до конца дня, и ладно. Так организм заранее сигнализирует о своем недуге, острой нехватке жизненных сил. Вика еще знать не знает, что скоро не сможет держаться от слабости на ногах, но уже не должна испытывать тяги к самостоятельности.

Чем больше Захар из нее выкачивал, тем, соответственно, больше вкладывал в свое дело: магический кристалл рос потрясающе скорыми темпами. Вернее, потрясающим было уже то, что он, вопреки легкой насмешке Захара над собой, действительно рос. И что он вообще существовал в природе. Захар вычитал об этом в одной мистической книге, якобы можно вырастить в стеклянной посуде магический кристалл, если питать его человеческой энергией. Вот Захар и старался, почти не веря, что в пустой колбе действительно родится его проводник в мир тайного знания, видимое олицетворение изотерических действий. Это должен был быть, по обещанию книги, некий фантом или, можно сказать, гомункул, вызванный из запредельности тем, кто подкармливал его силой живого человеческого естества. Так возникала потребность в доноре, которую Захар решил с помощью Вики.

Его будущий проводник уже стал обретать видимые очертания: ближе к полуночи на стенках колбы возникал какой-то мутный налет. Значит, началась материализация, переход из одной формы энергии в другую. А ведь совсем недавно колба стояла пустая, никакой Вики в квартире не было, и сам Захар не мог даже помыслить о своих теперешних достижениях...

Правда, существовало одно «но»... В прочитанной книге был намек, что служба гомункула человеку, вызвавшему его на свет, не закончится со смертью последнего. То есть проводник проводит потом и дальше, куда – соображай сам...

Но что бы там ни было потом, прежде всего требуется довести дело до конца. Захар чувствовал: бросить свой замысел посередине дороги, отказаться от почти уже родившегося гомункула свыше его сил. Но чтобы завершить начатое, нужна Вика.

Оставалось надеяться, что она придет сегодня домой. Внутренняя опустошенность заставит ее прибегнуть к знакомой обстановке, к тому дивану, на котором в конце концов все и будет кончено. Или нет: лучше вызвать «скорую помощь», чтобы трагическое событие произошло вне его квартиры. Но тогда к нему могут прицепиться правоохранительные органы: кто вы такой, да на каком основании девушка у вас жила. Можно, конечно, что-нибудь наврать, но зачем подвергать себя риску? Лучше дождаться, пока девчонка впадет в полуобморочное состояние, потом посадить ее в машину и отвезти куда-нибудь за город, в лес. «Под сосной

оставить там на съедение волкам», – вспомнились ему пушкинские строки из «Сказки о мертвой царевне». Так он и сделает.

13

Сквозь легкий утренний сон Коля испытывал два противоположных ощущения: что с ним случилось нечто непоправимое и что ему в то же время удивительно хорошо. Одно он чувствовал духом, другое телом: внутренний человек томился сознанием совершенного блудного деяния, в то время как плоть, получив свое, нежилась в сладостном умиротворении. Он и сам не мог понять, как все это произошло, как он сорвался в манящую пропасть недозволенного. Вика попросила его помочь подвинуть в квартире шкаф, потом сварила кофе и включила музыку, под которую они стали танцевать. Он поначалу отказывался, но ей хотелось... А после все и произошло!

Вика еще спала, ее рассыпанные волосы бледно золотились на белой наволочке. И вдруг светлые ресницы дрогнули, открывая голубые, как подснежники, глаза...

– С добрым утром, любимая! Ты сердишься на меня?

– За что? – улыбнулась Вика. Ночью ей было потрясающе хорошо, так с какой стати она должна сердиться?

– Ты меня прощаешь?

– За что?

Вика думала о том, до чего же приятно, проснувшись, видеть над собой молодое прекрасное лицо любящего мужчины, который встревожен тем, сердишься ты или нет...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.